



Девочка сполна расплатилась
за грехи своего отца

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

ОПУЩЕННАЯ

ЛЮБОВЬ ЗЛА И КОВАРНА

Владимир Григорьевич Колычев
Опущенная
Серия «Колычев.
Любовь зла и коварна»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27434773
Опущенная / Владимир Колычев: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-04-089550-2

Аннотация

Первое же увлечение вскружило беспечной Насте голову. Молодой, статный, перспективный однокурсник юрфака – вполне подходящая пара для нее, дочери известного в городе судьи. И стали бы они жить-поживать, да только неожиданно встретился влюбчивой девушке Евгений, взрослый обеспеченный мужчина, знающий толк в жизни и в удовольствии. Но вместо ожидаемого счастья случилась беда. Стараниями своего избранника пристрастилась Настя к наркотикам, бросила институт, покатила по наклонной. И невдомек вчерашней домашней девочке, что под маской пылкой любви скрывается изощренная и жестокая месть за поспешное судебное решение, вынесенное когда-то ее отцом...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	56
Глава 5	73
Глава 6	89
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Владимир Колычев

Опущенная

© Колычев В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*** * ***

Часть первая

Глава 1

Солнце уже проснулось, приподнялось на локте над горизонтом, окинуло ясным взглядом свои владения, но еще не слезло с перины из белых пушистых облаков. А может, оно и не будет слезать, а просто сожжет свою постель по пути к знойному полудню.

День обещал быть жарким, но по-другому и не хотелось бы. Не для того Настя вставала в пять утра, чтобы провести выходные под пасмурным небом или даже под дождем. Ее зовут Настя, и ненастье – не для нее.

Машина уже в пути, дорога медленно идет на подъем, влево-вправо поля: пшеница, подсолнухи, а впереди синеют горы. Там, за перевалом их ждет море – мокрое и сухое. А как еще назвать соленую воду, которой не напиться?

За рулем – отец, мама рядом, за штурмана. Волосы у отца густые, но уже подернутые сединой. Лицо у него породистое, а роговые очки, так же как и борода, подчеркивают его интеллигентный склад. Сытые щеки, легкая полнота в теле придают солидность его облику. Он у Насти – судья, вершитель судеб для тех, кто преступил закон. Мама у нее попроще – и по статусу, и по внешности. Круглолицая, розовоще-

кая, в теле. И всегда веселая. Даже когда она грустит, все равно где-то в глубине глаз светится озорной огонек.

Отец сначала ударил по тормозам, только затем выругался:

– Черт!

Сила инерции потянула Настю вперед, она плечом ударилась в переднее кресло. А мама едва не выбила головой лобовое окно.

Машина остановилась, отец выскочил на дорогу, Настя – за ним. Она увидела белобрысого парня в запущенном состоянии. Волосы грязные, сальные, под глазами темные круги, щеки впалые, небритые. Убогий ватник на нем – рваный, замызганный, брюк нет, только сатиновые трусы, на ногах кирзовые сапоги. Это из-за него отец так резко затормозил.

– Давай отсюда, пока я милицию не вызвал! – Отец хотел крикнуть на него, но не смог, не хватило для этого злости.

Земля не остыла за ночь, и сверху начинало припекать. Вроде бы совсем не холодно, но парня трусило, как в лихорадке. И столько страдания в его взгляде, что Настю передернуло изнутри. Это существо вызывало и презрение, и жалость одновременно. Но вместе с тем ей стало страшно от мысли, что от такой судьбы не застрахован никто. В том числе и она...

Она все понимала. Лето, поля, где-то растут конопля, мак, эта жуткая радость для наркомана. И этот подался за своим счастьем.

Настя полезла в машину, достала из сумки несколько еще теплых пирожков, завернула их в салфетку. Парню сейчас нужна была доза, но наверняка его терзал и обычный голод. Настя собиралась отдать пирожки ему в руки, но, глянув на него, положила передачу на землю. Взгляд у него страдальческий, жалостливый, но там же чувствовалась и злость на весь мир. Как бы не взбесился, не набросился.

Парень кивнул в знак благодарности, но к пирожкам не поспешил. И Настю проводил тоскливым взглядом. Ему бы тоже в машину, а дальше – на море, на пляж, к нормальной человеческой жизни.

Настя села в машину. Только за ней закрылась дверь, как отец опустил сцепление, и «Волга» тронулась с места.

– Нет, все-таки надо в милицию позвонить, – в раздумье проговорил отец. – Пусть в ЛТП отправляют.

Настя развернулась, посмотрела в заднее окно. Наркоман стоял на обочине дороги и смотрел в ее сторону. И взгляд у него не просто жалостливый, но и прощальный. Возможно, его уже невозможно спасти. Может быть, сегодня он умрет. И ему об этом известно.

– В ЛТП – только по решению суда, – улыбнулась мама.

– А я кто, по-твоему?

– Сегодня ты курортник. Сегодня ты будешь купаться в море, есть шашлык и пить вино.

– Но кто-то же должен заботиться о сырых и убогих, – грустно вздохнула Настя.

– А не надо быть убогим, – сказала мама. – Он же сам во всем виноват... Сначала курил – веселился, потом опий, еще веселей.

– Может, он и не знал, что так будет.

– Главное, чтобы ты, дочка, знала. Это ж такая зараза!..

– Ну я-то знаю...

Наркомания – бич, и это ей внушали со школьной скамьи. Из милиции приходили с лекциями, из горздрава. Кольке Шутову тоже внушали, Лешке Грищенко, только им это не помогло. Один уже срок мотает за наркоту, другой целыми днями в парке сидит, анашу смолит. А может, и на что-то более тяжелое перешел... Столько их таких. И всем не можешь, всех своей заботой не осчастливишь.

С наркотой нужно бороться. И, возможно, когда-нибудь Настя подключится к этому святому делу. Через два года она окончит университет, получит юридическое образование и станет следователем прокуратуры. Но еще рано думать о работе, сначала нужно летнюю сессию сдать. Это у родителей выходной, а она будет загорать на пляже с пользой для дела. Не зря же она прихватила с собой конспект по гражданскому праву.

* * *

Человек имеет право на счастье, с этим не поспоришь. А имеет ли он право на второе счастье, на то, которое называют

наглостью? Хлопая от удивления глазами, Настя точно знала ответ на этот вопрос. И надо бы поделиться своими соображениями с эффектной загорелой блондинкой, которая проشمыгнула в пляжную раздевалку под самым ее носом. Настя отстояла очередь, чтобы переодеться, за это время купальник на ней высох. И тут вдруг появляется очень умная. И красивая. А Настя остается в дураках.

– Извини, мы очень спешим, – послышался знакомый голос.

Настя повернула голову и увидела Севу с ее курса. Жесткие волнистые волосы выгорели на солнце, осветлились, а лицо, напротив, потемнело. И глаза приняли цвет морской волны. А белые зубы блестят на солнце, как жемчужные бусы на шее у смуглой красавицы. Крепкая шея, широкие плечи, хорошо прокачанные грудные мышцы... Как-то раньше Настя не обращала на него внимания, а сейчас в голове сверкнула фотовспышка. Это был свет, в котором невозможно смотреть на человека, чтобы не влюбиться.

– И ты тоже? – Настя кивком показала на железную кабинку.

– Да нет, я уже высох, – качнул головой он.

– Я тоже.

Волшебная фотовспышка могла высветить и волшебную дудочку в глазах мужчины. Тот же Сева мог поманить ее за собой, и она бы пошла за ним – хоть на край света, хоть в постель. Но Сева не манил, он ждал свою блондинку. Да и

не пошла бы Настя за ним. Она бросила сумку себе под ноги, взяла сарафан и надела его поверх сухого купальника. До лагеря недалеко, там она, в своей комнате, и переоденется. А с блондинкой она как-нибудь в другой раз поговорит. Если не отпадет желание проучить ее.

Она пошла к лагерю, но Сева догнал ее.

– Обиделась? – спросил он, сравнивая с ней шаг.

– Ничуть.

– Олеся, она такая.

– Сочувствую.

– Да мне то что...

– Ты же с ней куда-то спешишь.

– Ну, может быть, на обед, – улыбнулся он.

– Приятного аппетита!

– А ты же Настя, да?

– Неужели не узнал?

Она уже вторую неделю в студенческом лагере, а Севу только сегодня увидела. Или не замечала, или он только на днях появился. Сессия уже позади, каникулы в самом разгаре, а настоящая жизнь могла бы начаться сегодня. Если бы Сева не был занят...

– Честно?.. Если честно, то нет... В универе ты одна, а здесь другая...

– Загорелая?

– Ну, и загорелая... А ты с кем здесь?

– С Ленкой Павловой в номере, а что?

– Да нет, ничего. – Сева улыбнулся себе под нос.

Неужели ему не все равно, есть у нее парень или нет?

Они вышли на набережную с ее полуденным броуновским движением – кто на пляж, кто обратно. Кто-то еще полон сил, а кто-то уже сварился на солнце. Панамки, кепки, сомбреро, круги, матрасы... И мороженое.

– Мороженое будешь? – спросил Сева.

Настя вздохнула с усмешкой. Вокруг ларька очередь – человек пятьдесят, и почти все стоят под открытым солнцем.

– Жаль, Олеси нет, – глянув на нее, усмехнулся Сева.

– Вот и я говорю, человека забыл.

– А вот и она!

Олеся обогнала их, остановилась, преграждая им путь. Красивое лицо: правильные черты, роскошные брови, изящный носик, сочные губки. И фигурка – хоть на «Мисс СССР» отправляй. Настя считала себя симпатичной, но не более того. Глядя на Олесю, она понимала, насколько далека от идеала женской красоты.

– Сева, это что еще за новости? – возмущенно простонала Олеся.

– Ну, должен же я был извиниться за тебя.

– А кто меня торопил? – косо глянув на Настю, спросила она.

– Я пойду.

Настя не хотела быть камнем преткновения в этой перепалке, поэтому продолжила путь, оставив Севу на растерза-

ние взбалмошной блондинке.

– Давай, давай! – Олеся небрежно махнула рукой в ее сторону.

Настя замедлила шаг, остановилась, повернулась к ней. Несомненно, Сева произвел на нее сильное впечатление, но бороться за него она не собиралась: не женское это дело. Но и оскорбления сносить она не станет.

– Слушай, ты!

– Так, девочки! Не будем ссориться! В конце концов, мы дети одной альма-матери!

Он обнял Олеся одной рукой и потянулся к Насте другой. Она должна была оттолкнуть его или даже послать по этой самой альма-матери, но рука оказалась такой горячей, что ей вдруг захотелось растаять под ней. Она позволила обнять себя, но вырвалась Олеся. И глянув на Севу, обнимающего Настю, вскипела:

– Ну, Лебедев! Ты еще пожалеешь! – Окинув Настю презрительным взглядом, она рванула прочь от них.

Шла она на высокой скорости, но вихляющая походка при этом казалась такой естественной и непринужденной. Настя и близко не умела крутить такие «восьмерки», но, глядя на Олеся, ей захотелось научиться.

– Догоняй, – тихо сказала она.

– Зачем? – Сева продолжал обнимать ее.

– А если уйдет?

– Уже ушла.

– А как же обед? – усмехнулась Настя.

Она должна была отстраниться, но так приятно было чувствовать на себе крепкую мужскую руку.

– Будем обедать вместе. – Он еще крепче прижал ее к себе.

– А я согласна?

Он повернул к ней голову, лишь слегка ослабив хватку.

– А ты согласна? – Он смотрел на Настю так, как будто собирался ее поцеловать.

И она опьянела под его взглядом.

– Ну, если только со мной...

– Только с тобой... Идем?

Настя кивнула. Волшебная дудочка звала ее к Севе, и она не могла не идти.

А шли они в столовую, но почему-то она оказалась у него в комнате. Он закрыл дверь, посадил ее на кровать, и Насте показалось, будто она оказалась на воде в открытом море. От сильного душевного волнения у нее отказали ноги, она тонула, но некому было бросить спасательный круг. А Сева уверенной рукой тянул ее на дно.

Его руки казались теплыми волнами, они не срывали, а смывали одежду. Настя вдруг оказалась в одном купальнике, и чуть погода исчез и лифчик.

– Не надо.

Настя забарахталась, пытаясь удержаться на плаву, но Сева обжал губами сосок, скользнул по нему языком, и она

всплеснулась, кругами расплылась по воде. И сама стала морем, которое требовало шторма.

– Ну пожалуйста...

Она еще взывала о спасении, но уже не хотела, чтобы Сева останавливался. В конце концов, ей через месяц будет двадцать лет, она уже совсем взрослая. И жить пора по-взрослому.

На ней уже ничего не осталось, когда в дверь забарабанили. Внутри все сжалось от страха, но Сева не позволил ей подняться. И она ощутила восторг, какой испытывала в детстве. Было такое, она сидела в шкафу, родители ходили по комнате, искали, но не могли ее найти. Но тогда это был детский восторг, в нем не было ничего крамольного, запретного. А сейчас ее могли застукать голую в объятиях такого же обнаженного парня; это как минимум стыд и позор, но почему страх за свое непорочное имя возбуждает порочные желания?

– Жора, погуляй! – крикнул Сева.

От его голоса зазвенело в ушах, но и это вызвало у Насти прилив бурлящих эмоций. Прилив куда-то в низ живота, где в ожидании ласки переворачивалась с боку на бок теплая пушистая кошечка.

– На старт! – тихо, но напористо прошептал Сева. – Внимание!..

Стартовая дорожка уже была готова к маршу, Сева неторопливо втиснулся в нее, медленно заскользил, ускоряя дви-

жения. Настя пожала плечами, прислушиваясь к чувствам. Говорили, что в первый раз больно, но нет, вполне терпимо. И даже приятно. А восторг вызывал сам процесс, рвущий на части все правила, которыми пичкали ее родители. Какая свадьба, какая первая брачная ночь, когда Сева как ураган, сметающий все на своем пути?

* * *

Лето закончилось, наступила весна. А какая может быть осень, когда Сева рядом?

Почти две недели они провели вместе в студенческом лагере. Две недели, которые стали для Насти лучшими в жизни. Потом он уехал к родителям, а с первого сентября они снова вместе. Идут себе по парковой аллее, он обнимает ее за талию, целует в шею.

И вдруг навстречу – Олеся. Распущенные волосы, кричащий макияж, вызывающая кофточка с трясущимся декольте, короткая юбка, туфли на шпильке, маленькая сумочка на длинном ремешке. И походка – ни дать ни взять, манекенщица на подиуме. Настя почувствовала, как напрягся телом Сева. А Олеся шла, как будто не замечая его. И слышно было, как стучат каблучки – возможно, в такт ее мыслям. Она прошла мимо, скользнув по Насте презрительным взглядом. А Сева не удержался, обернулся ей вслед.

– Фу-ты ну-ты!.. – Он хотел сказать что-то еще, но затих.

В такой ситуации словами делу не поможешь.

– Догоняй, – вздохнула Настя.

– Шутишь? – Сева внимательно глянул на нее.

– Конечно, шучу... – Она остановилась, повернулась к нему лицом и обняла, не позволяя смотреть вслед Олеся.

Олеся не бегала за Севой, не мстила ему, вешаясь на шею другим парням. Она просто исчезла из вида. Уехала из лагеря, только сегодня и объявилась.

– Я тебя никому не отдам! – Глядя в глаза Севе, сказала она.

– Да я и сам не отдамся, – улыбнулся он.

– Даже если она сама будет приставать?

– Не будет.

– А вдруг?

– Да ну ее!..

– А меня?

– Я же говорил, ты самая лучшая...

Он снова обнял ее, они продолжили путь, вышли к остановке. Ехать недалеко, минут десять.

– Проводишь меня? – спросила Настя.

– Ну конечно...

– Мама сейчас дома... – вздохнула она.

Мама у нее числилась внештатным корреспондентом районной газеты, но не работала, сидела дома. И вот как им с Севой уединиться? Мама ее убьет, если узнает, что у нее была с кем-то близость.

– Ты же говорила, что у вас дача есть.

– Это далеко... Давай завтра! – улыбнулась она.

Действительно, завтра она возьмет ключи от дачи, а после занятий они с Севой отправятся в Борисовку. От института это час туда – не так уж и много.

Они сели в троллейбус, Сева проводил ее к дому, но во двор она с ним заходить не стала. Вдруг мама из окна увидит, она же без соли ее съест. Да Сева и не рвался знакомиться с ней. Поцеловал Настю на прощание, весело улыбнулся и был таков. Она с подозрением смотрела ему вслед. Уж не торопился ли он вернуться в свою общагу, чтобы найти там Олесю? Так это или нет, но вечером встретиться с Настей он не предложил. А они могли бы сходить в кино.

Напротив ее подъезда стояла новенькая, сверкающая лаком вишневая «девятка». Хотела бы Настя такую ласточку, но разве отца уговоришь? Даже если он и найдет деньги, то все равно не купит. Так не бывает, чтобы у народного судьи на одну семью было две машины... А деньги у него есть. Кто сейчас не без греха?

Настя свернула к подъезду, а навстречу ей стремительным шагом вышел хорошо одетый мужчина лет тридцати. Среднего роста, худощавый, судя по движениям, юркий, непоседливый. Не красавец, но приятной, располагающей внешности. Взгляд живой, шипящая пена в нем и брызги шампанского. Так подумала Настя, когда их взгляды пересеклись. Увидев ее, мужчина мысленно откупорил бутылку шампан-

ского – именно такое ощущение и возникло.

– Я думал, что ошибся подъездом! – ярко улыбнулся он.

Зубы у него ровные, но не совсем белые, легкий желтоватый оттенок на них.

– А вы не ошиблись? – Настя должна была пройти мимо, но как будто какая-то сила ее остановила.

– Да нет, двадцать четвертая квартира в следующем подъезде... Но сейчас я понимаю, что мне нужны именно вы... Евгений! Можно просто Женя.

– Ну, Настя...

– Настя, ты не смущайся, – улыбнулся он. – Я добрый и безобидный. И еще со мной всегда весело.

– Ну, если мне нужно будет весело, я в цирк схожу.

– В цирке клоуны, – качнул головой Женя. – А клоуны, они злые...

– Впервые слышу, что клоуны злые.

– Они на жизнь обиженные. А обиженный на жизнь человек не может быть добрым... А давай поедem в цирк! – Он кивком показал на «девятку».

– Ну, это слишком, – качнула головой Настя.

– Что, клоунов боишься? – засмеялся он. – Это ты зря. Нельзя верить случайным прохожим, а ты уши развесила, – засмеялся он.

– Не развесила... И, вообще, мне пора.

Да, действительно, почему она не уходит? Зачем ей какой-то Женя, когда есть самый лучший на свете Сева.

– А я вот никуда не спешу... Только что спешил, а сейчас нет. Потому что тебя встретил.

Настя усмехнулась, качнув головой. Она, может, и симпатичная на внешность, но не столь хороша, чтобы мужчины теряли от нее голову. И она бы не поверила в искренность Жени, если бы не Сева. Там, на пляже, он влюбился в нее с первого взгляда, как прилип тогда, так и не отстанет. И они всегда будут вместе... И Женя мог влюбиться. Во всяком случае, она уже могла в это поверить. Но зачем задаваться вопросом, мог или нет, если, кроме Севы, ей никто не нужен?

– А вам нужно спешить, у вас дела. Извините, больше не буду вас задерживать. – Настя улыбнулась и шагнула к подъезду.

– Постой! – Женя всего лишь потянулся за ней, даже к руке не прикоснулся, но все же она остановилась.

Может, потому, что не хотела уходить?

– Ну что такое?

– Давай вечером встретимся.

– Я не могу.

– Я закажу столик в ресторане, в одиннадцать вечера ты уже будешь дома.

– Мой парень будет против, – усмехнулась она.

– Твой парень?! Ну да, конечно! – Женя эмоционально коснулся лба ладонью. – У такой красоты должна быть своя оправа... Как зовут оправу?

– Не важно.

– Если не важно, то вечером я за тобой зайду, лады?

– Это для вас не важно, а для меня очень важно... Все, до свидания!

– А когда свидание? – вслед спросил Женя.

Настя подняла руку и пошевелила пальцами. В четверг будет свидание, после дождичка.

Может, зря она отшила Женю? Зрелый и, главное, симпатичный мужчина в самом расцвете сил, и машина у него своя, и одевается он хорошо. А Сева может вернуться к своей Олесе. Может, он сейчас едет в общагу, чтобы вымолить у нее прощение. Он уедет к ней, а Настя останется у разбитого корыта. И будет сидеть перед ним, пока не превратится в старуху.

* * *

Есть женщины красивые, а есть особенные. Настя же и красивая, и особенная. Красота ее, может, и неброская, но глубокая, одухотворенная. Золото ее не на поверхности, а в недрах, может, потому и не пропадает интерес к этой чудесной девушке. Добыча идет по крупице, по крупице, и так до скончания дней. А у Олеси вся сверкающая мишура на поверхности. Спору нет, она яркая, обворожительная, но все это на один раз. Съел и забыл...

И все же Олеся волновала кровь. Эти длинные ножки под

короткой юбкой, а этот оглушительный бюст... Но как ни пыталась она привлечь его внимание, Сева обходил ее стороной. Не мог он променять Настю на нее... Может, где-то в душе и хотел, но не мог.

Олеся не выдержала первой.

– Лебедев, ты хоть знаешь, какая ты скотина? – спросила она, перегородив ему путь.

– Скотина – существо полигамное, а я человек моногамный.

– Ага, то с одной, то с другой.

– С другой, – кивнул он. – И с одной.

– Не понимаю, что ты нашел в этой курице?

– А вот это ты зря... – нахмурился Сева.

Он вовсе не хотел, чтобы Олеся оскорбляла Настю.

– Зря – это ты... Я хотела сказать, что ты мне больше не интересен.

– Да?

– И можешь обо мне забыть...

– Я попробую, – усмехнулся Сева.

– Ты еще придешь ко мне... – Олеся вдруг просияла, увидев кого-то.

Но он удержался от искушения обернуться, бросить взгляд через плечо. Может, это уловка какая-то.

– Ну все, Лебедев, чао!

Олеся щелкнула пальцами у него перед носом и направилась в сторону, куда обращен был ее взгляд. И лишь после

того, как она оказалась у него за спиной, Сева обернулся. И увидел навороченного живчика с обольщающей улыбкой. Лет тридцать мужичку, среднего роста, худощавый. Прикид у него – сплошь фирма. Хотел бы Сева так одеваться, но пока не судьба.

Олеся не удержалась, оглянулась перед тем, как подставить щеку под поцелуй. Сева должен был видеть, как у нее все здорово в личной жизни.

Она взяла живчика под ручку и пошла с ним, подыгрывая себе движением бедер. Это она так хвостом перед Севой виляла – дразнила, провоцировала. Но зря старалась: Сева не пошел за ней. Много чести.

Глава 2

Сентябрь месяц уже на исходе, погода портится. Ветер поднялся, набежали тучи, первые капли дождя царапнули по стеклу. Но ненастье только за окном, в комнате хоть и прохладно, зато уютно и душевно. И все потому, что рядом Сева. Они лежали на разобранном диване, над головой тикали старые часы с безголовой кукушкой. Скоро уже темнеть начнет, а они все не уходят. И не собираются.

– Может, камин затопим? – спросил Сева.

– Может, на ночь останемся? – улыбнулась она.

– Камин у вас тут мощный, ночью точно не замерзнем.

Дача у них не очень большая, полтораэтажный дом с фундаментом из крупных речных камней. Каминный зал занимал половину первого этажа, и тепла в такую погоду могло хватить на весь дом. Но вряд ли Настя сможет бродить по комнатам нагишом. Желание такое, может, и было, и Севу она уже давно не стеснялась, но вдруг нагрянут родители и застанут ее в таком виде... А ведь нагрянут. Когда-нибудь это случится. Но ей уже все равно...

На крыльце скрипнула доска, тут же открылась дверь. Настя вскочила с дивана, метнулась к стулу, на спинке которого висела одежда... Если это родители, то, увы, ей не все равно. Ох и достанется же!

Она уже почти натянула платье, когда в зал широкой по-

ходкой вошел отец.

– Стучаться надо! – крикнула она.

Отец смутился, сдал назад. Только тогда Сева поднялся, взял брюки.

– Оделись? – не показываясь на глаза, спросил отец.

– Папа, я уже взрослая, мне уже двадцать лет!

– Да?

Отец вошел в комнату, навалился взглядом на Севу, который застегивал рубашку.

– А вы что скажете, молодой человек?

– Ну, я хотел бы жениться на Насте, – развел руками Сева.

– А вот одолжения нам делать не надо!

– Это не одолжение... Просто мы думали сначала окончить институт...

– Сказать, чем ты думал? – Отец смотрел на него угрожающе, исподлобья.

– Ну, дело молодое... Но я с самыми серьезными намерениями...

Сева глянула на Настю как на хозяйку сторожевого пса, который зажал его в угол и не давал прохода. Он просил ее унять отца, пока он не загрыз его до смерти.

– Пап!.. Мы больше не будем! – первое, что пришло в голову, сказала Настя.

– А больше уже и не надо! Хватит и одного раза!

– Нет ничего!

– Ты уверена?

– Ну папа! – Настя готова была расплакаться, лишь бы только отец смилостивился над ней.

– Рано ему еще папой становиться, – съязвил отец, глянув на Севу.

– Ну, если вдруг, я готов...

– Если вдруг... Все у вас так...

– А у вас с мамой как было?

– Как у нас?... – Отец вдруг завис в раздумье. – Ну, было...

Он хмыкнул в кулак и милостиво глянул на Севу:

– Кто такой?

– Ну, мы с Настей учимся...

– Юристом будешь?

– В прокуратуру хочу, следователем.

– Смотри, если вдруг... – Отец ткнул в Севу пальцем, но, глянув на Настю, не решился продолжать.

И повернулся к ним спиной.

– Давайте, собирайтесь, домой отвезу.

Он вышел из комнаты, Настя переглянулась с Севой, пожалала плечами. Не думала она, что отец появится именно сегодня.

– Влипши, – усмехнулся он.

– Это еще мама не знает...

– Да как-то не страшно... А ты замуж за меня пойдешь?

Настя ткнулась ему лбом в плечо, постояла немного и пришла в движение. Надо было одеваться, приводить себя в порядок и настраиваться на головомойный разговор.

А замуж она за Севу пойдет. Только за него и пойдет. Только с ним она будет счастлива, а больше ни с кем.

* * *

Дураки женятся рано, а умные – никогда. Бродит по ушам такая вот глупость, кто-то соглашается, а Сева – нет. Но в дураках оставаться все же не хочется. Двадцать три года ему, два из них отданы армии, погранзаставе на Новой Земле, где вместо баб – только белые медведи. Отслужил, поступил, три года вольной охоты на скудных хлебах, хотелось бы еще порезвиться, но вдруг засада. А отец у Насти человек не простой, известный в городе судья. Нет, на скамье подсудимых он оказаться не боится, но и от ответственности уходить тоже нельзя. Взялся за гуж... А как же свобода? Гуж с ней?..

В тяжких раздумьях он брел к общаге. Настя уехала с отцом, он возвращался на базу. Настроение не ахти, но и паники не было. Он же любил Настю, ему с ней хорошо. Так почему бы и не жениться?.. Или ну его в пень?

Чуть в стороне послышался девичий смех. Сева повернул голову и увидел белеющие в темноте волосы. Он шел по аллее, которую пересекала дорожка, на этом перекрестке, спиной к стриженному кусту, под кроной каштана стояла Олеся. И кто-то ее обнимал. Ее это не возмущало, но радости особой не было. И не смех он услышал, а нервное хихиканье.

Сева остановился, достал из кармана пачку сигарет. Ему,

конечно, нет дела до личной жизни Олеси, но у него есть право задержаться на свежем воздухе перед тем, как зайти в общагу. И курить он может где угодно. Хотя бы потому, что он учится здесь, а с кем гуляет Олеся, он не знает. Если она с тем самым живчиком в фирмовом прикиде, то им здесь делать нечего. Пусть расходятся – он к себе, а она в свою комнату... Ну а если вдвоем уехать хотят, Сева удерживать их не вправе.

– Жень, ну что ты делаешь? – снова хихикнула Олеся.

Сева сунул сигарету в рот, поджег фильтр, затянулся, закашлялся. Руки кривые. Или это от волнения? Сигарету он выбрасывать не стал, просто оторвал фильтр. И экономия, и затяжки будут покрепче. А ему хотелось позабористей.

Он вспомнил, как вот так же в кустах зажимал Олесю. Задрал юбку, обжал руками зад, всем своим пылом прижимаясь спереди. Она и тогда упрямылась, но это не помешало ему снять трусики. А сейчас ее раздевал какой-то там Женя. А может, уже и раздел. Может, уже вжимается в нее.

– Ну Жень!

– Да ладно тебе! Нормально все!

– Я так не могу...

– А как ты можешь? И где?

– Везде. Но не сейчас...

– Может, хватит крутить динамо?

Женя говорил и пытался, пытаясь залезть к Олесе под юбку. И она уже не отталкивала его. Возможно, ее трусики уже

валяются где-то под кустом.

– Я не кручу, просто не могу.

– Может, как-нибудь по-другому?

– Как по-другому? – В ее голосе прорезалось возмущение.

– Ну, есть способы...

– За кого ты меня держишь?.. – Судя по звукам, Олеся пыталась вырваться из мужских объятий. – Пусти, говорю!

– Сначала сделай...

– Пошел вон!

– Давай, давай!

Сева не выдержал, отбросил в сторону окурок, рванул к Олеся. И схватил за плечо мужика, который силой удерживал ее в своих объятиях.

Он мог бы ударить его кулаком в лицо, но побоялся задеть Олеся. Он просто схватил его за куртку и рванул на себя. Но Женя ударил его локтем в нос. Из глаз брызнули искры, в носоглотку хлынул тухлый запах ржавчины. Но это было еще не все.

Женя ударил его ногой в пах. И ударил сильно. Сева едва устоял на ногах. И блок под очередной удар поставил в самый последний момент. Но поставил. И ударил в ответ.

Сева и боксом занимался, и в карате знал толк, но прежде чем сбить противника с ног, он пропустил еще два болезненных удара. И все же победа осталась за ним.

– Мы с тобой еще поговорим, щегол! – поднимаясь с земли, пригрозил Женя.

– Ну, давай! – Сева надвинулся на него, нацеливая поднятый к уху кулак.

Он готов был ударить, но Женя стоял слишком далеко. А догонять его уже не хотелось. Да и зачем, если враг дрогнул и отступил? А добивая, можно нарваться на плюху.

– Да иди ты!

Женя повернулся к нему спиной, сделал несколько шагов и растворился в темноте.

И сразу стало тихо. Только слышно, как ветер копошится в опавшей листве. А где же Олеся? Неужели ушла?

Сева обернулся и увидел ее. Она стояла, свесив голову на грудь.

– Спасибо тебе, – буркнула она, исподлобья глядя на него.

– За что? За то, что кайф обломал?

– С кем кайф? С этим сморчком?

– Ну, я в штаны к нему не лазил.

– А я что, лазила?

– А чем ты здесь занималась?

Олеся дернулась, как будто собираясь повернуться к нему спиной, но сдержала свой порыв, осадилась себя.

– Давай не будем!

– Да мне в общем-то все равно, какие сморчки ты видела.

– А к нам чего полез?

– Ну, он что-то там тебе предлагал...

– Что предлагал? – возмущенно и вместе с тем с загадочным видом спросила она.

– Ну, мало ли...

Возбуждение нахлынуло волной – навалилось, подняло, взболтало. И так вдруг захотелось упереться во что-нибудь до упора.

– Если я с твоим «мало ли» знакома, то это не значит, что я могу со всеми...

– Не можешь?

– А твоя эта, как ее там?.. Она может?

– Может.

– Со всеми?

– Нет, только со мной.

– И я могу только с тобой.

– Ну конечно!

– Да пошел ты!

Олеся повернулась к нему боком, но Сева поймал ее за руку, потянул на себя. И она оказалась в его объятиях. Юбка задралась, ладони обжали ягодицы. И трусики на месте, и колготки не сняты. Не было ничего с Женей. Но может быть с ним, с Севой. А почему бы и нет?

– Иди к своей этой! – толкнула его Олеся.

Но Сева удержал ее в своих объятиях.

– Я тебя ненавижу! – Она снова дернулась.

– Охотно верю.

– И люблю.

– Не знаю...

– А то, что ты козел, знаешь?

– Еще какой!

Он развернул ее к себе задом, подтолкнул к липе, заставив обнять ствол. Стянул колготки, пристроился.

– Скотина! – пробормотала она, принимая заданный ритм.

– Мне уйти?

– Только попробуй...

Сева не ушел. А потом еще и проводил Олесю до ее комнаты.

– Останешься? – спросила она, прижимаясь к нему будто бы в поисках защиты.

Взгляд грустный, жалобный.

– А с кем ты сейчас?

Сева надеялся, что ее соседка не позволит им уединиться. Только на это и была надежда. В себя он уже не верил. Хотя бы потому, что уже сошел с праведного пути.

– Да Райка домой уехала, завтра будет...

– Ну, если завтра...

Олеся открыла дверь, потянула его за собой в комнату. И, не включая свет, обвила руками его шею. А губы у нее вкусные, сочные, и сама она пахла как чайная роза на свежем ветру.

– Я тебя никуда не отпущу.

Он оказался у нее на кровати, она стянула с него куртку, растянула рубашку. Да и он готов был ко второму тайму – как физически, так и морально. А если точнее, то аморально.

– У меня сегодня помолвка была, – неожиданно для себя сказал он.

– Что?! – Олеся отпрянула от него, но с кровати не поднялась.

– С Настей на даче был, а тут вдруг отец...

– И что, жениться заставляет?

– Ну, не то чтобы заставляет...

– На мораль давит?

– Настя, между прочим, девочкой была, – вспомнил Сева.

У Насти он был первым, а у Олеси нет. Может, она и не может ни с кем, кроме него, но в ее почтовом ящике побывало не одно письмо.

– В каком классе?

– На четвертый курс переходила...

– Не знаешь ты наших бабских хитростей.

– А ты знаешь?

– Я знаю. Только я с тобой по-честному... А эта стерва лапшой тебя кормит. Думаешь, отец случайно появился?

– Когда-нибудь это должно было случиться.

– Ты ей предложение делал?

– Ну, если только сегодня...

– Она отказалась?

– Вряд ли...

– Я бы не отказалась. Но и отца бы не подговорила...

– А Настя подговорила?

– Скажи, ты на юриста учишься или на сантехника?

Сева пожал плечами. Возможно, он действительно стал жертвой семейного сговора. Но ведь он любил Настю, и не так уж страшно было на ней жениться.

Олеся расстегнула молнию у него на брюках, просунула руку:

– Ты не бойся, мой отец тебя на мне жениться не заставит.

– Твой отец далеко.

– Он может и приехать. И отец, и брат...

Сева уже прочувствовал на себе момент, когда открывается дверь и появляется отец «испорченной» дочери. Ситуация могла повториться и сейчас, но у Олеси такие шустрые пальцы, а ощущения такие волнующие. Пусть заходит отец, пусть приводит братьев, ему сейчас все равно.

* * *

Взгляд грустный, настроение вялое. Похоже, Сева чувствовал, что у Насти для него не очень радостная новость. Мама обо всем узнала, и она хочет познакомиться с ним. Вот и как ему это сказать? Может, он и не прочь жениться на ней, но вряд ли ему нравится, когда на него давят.

– Даже не знаю, как тебе сказать, – издали сказала она.

Они сидели на лавочке в парковой зоне, за спиной на дороге шумели машины, перед глазами маячила старушка с булкой хлеба в руке. Она отламывала кусочки, бросала их на асфальт, голуби слетались со всех сторон. Возможно, Сева

переживал, что какой-нибудь сизарь облежится ему на голову. Хорошо, если причина его недовольства заключается только в этом.

– Не знаешь – не говори.

– Мы такие молодые, так хочется свободы, а они дают, дают...

– Кому хочется свободы? Тебе?

– Мне? – опешила Настя.

Сева должен был спросить, кто давит, и тогда бы она сказала про маму. Но его понесло не в ту сторону.

– Вообще-то я про тебя хотела сказать.

– А что со мной не так?

– Ну, ты же птица вольная...

– Хочешь отпустить меня на свободу?

– Да нет.

– А зачем тогда говоришь? – кисло усмехнулся он.

– Так давят на тебя.

– Кто?

– Мама хочет с тобой познакомиться.

– Она что, тоже хочет нас застукать?

– Где застукать? – не поняла Настя.

– Ну, на даче... Или где? – усмехнулся Сева.

– Не хочет мама нас застукать. Что ты такое говоришь?

– Могла бы просто сказать: «Хочу замуж». А ты отцу сказала, зачем?

– Сева, что с тобой? – Она смотрела на него в ожидании

грома – среди темного неба.

Он уже успел сгустить тучи своим мрачным настроением, осталось только грянуть.

– Я вчера спал с Олесей, – невесело, но и без трагизма сказал он.

– Что?!

– Я изменил тебе.

– Но это неправильно!.. – ляпнула она.

И получила то, что заслужила.

– Конечно неправильно! – Сева глянула на нее как на дуру, которая должна была, но не могла устроить скандал в силу своей ограниченности.

– И как же нам теперь быть?

Настя продолжала тупить, но ничего не могла с собой поделать. Она должна была устроить скандал, послать Севу ко всем чертям, но если он уйдет, то уже никогда не вернется. А она не могла его потерять.

– Тебе решать, – пожал он плечами.

– Я могу тебя простить, – осторожно сказала она.

– Ну, было бы неплохо...

– А потом ты снова с ней переспешь, да? – со слезами на глазах спросила она.

– Олеся меня любит.

– И я тебя люблю!

– Так я ничего...

– Тебе надо выбрать: или с ней, или со мной...

– Я не знаю... Мне и с тобой хорошо, и ее жалко. – Сева посмотрел ей прямо в глаза.

Казалось, он и хотел надавить на нее, но не смог: не хватало совести вести себя нагло. Но и рыцарем он не казался.

– Жалко?! – возмутилась Настя.

Видела она Олесю, и не раз. Эта дрянь могла вызывать восторг, зависть, все что угодно, но только не жалость. Но и слезу она пустить тоже могла.

– А если ей плохо без меня? Почему я не могу ее пожалеть? – Сева глянул на нее с укором и удивлением.

– Ну, не знаю...

– Если не знаешь, подумай... А потом скажешь... – Сева поднялся, грустно глянул на нее и повернулся спиной.

Настя не могла поверить, что Сева может так просто взять и уйти. А он ушел. И она едва удержалась, чтобы не побежать за ним, как побитая собачонка. Она и без того повела себя как тряпка, осталось только самой постелиться ему под ноги. Но нет, до этого она не опустится.

Она не помнила, как долго сидела на скамейке. Поняла только, что сильно замерзла на ветру. В троллейбусе было тепло, но Настя не могла согреться. И на своей остановке вышла, содрогаясь от внутреннего озноба. Срочно нужно было идти домой, мама приготовит чаю с малиной или молока с медом. Или лучше ей ничего не говорить, а то набросится с вопросами, проклянет темечко.

А она и без того набросится, измучает вопросами. И по-

пробуй признаться, что они с Севой расстались... А может, не расстались? Может, он передумает бросать ее? Не зря же оставил ей время на раздумье...

– Привет! А где охрана?

Кто-то догнал ее, поравнялся, заговорил. Она повернула голову на голос и увидела Женю.

Глава 3

Он шел к ней от своей вишневой «девятки». Шел и улыбался, пытаясь настроиться на мажорный лад.

– Я сегодня без охраны, – буркнула Настя.

– Чего так?.. Никто не пристаёт?

– Нет.

– А я?

– Только тебя не хватало...

– Что-то ты сегодня совсем грустная... Может, я чем-то могу помочь?

Настя глянула на него удивленно и с надеждой. А ведь он мог помочь. Советом. Он мужчина и потому может влезть в шкуру Севы. И даже побывать у него в голове. Побывать и рассказать, какая каша там у него варится.

– Ну, говори, – улыбнулся он.

– А у вас так бывало: и одна женщина нравится, и другая?

– А почему на «вы»? Ты же вроде уже сказала «ты».

– Да?

– А раз мы перешли на «ты», то ты смело можешь сесть ко мне в машину.

Настя кивнула. Да, она хотела бы сесть в теплую машину, согреться там. Но это же чревато последствиями... Она вопросительно смотрела на Женю.

– Я же сказал, что меня бояться не надо, – улыбнулся он.

– И еще ты сказал, что нельзя верить случайным прохожим, – напомнила она.

– Ну вот видишь, ты помнишь нашу первую встречу... Признайся, что ты ко мне неровно дышишь! – вроде бы в шутку, но вместе с тем и всерьез потребовал он.

– Еще чего?

– А чем я тебе не нравлюсь?

– Ты такой же, как все.

– Тебя бросил твой парень?

– Разве я это говорила?

– Я вижу. Я все вижу.

Он взял ее за руку, направил к своей машине, и она пошла, как овца на веревочке. Села, оправила юбку, вздохнула, как будто заранее оплакивая свою судьбу.

– Давай рассказывай, – тронув машину с места, сказал он.

– Да не хотелось бы...

– Он хочет и с тобой, и с другой?

– Ну, в общем, да.

– Это природа человека. Мужчина хочет мало. Но со всеми. А женщине нужно много. Но с одним... Борьба с природой нелегко, но нужно... Ты уже спала со своим Севой?

– Ну-у...

– Спала. Значит, ты уже вступила в борьбу со своей природой.

– Ты же сам сказал, что женщине нужен только один мужчина.

– Да, если это муж. А ты отдалась Севе до свадьбы... И это правильно.

– А если так вышло? – покраснела Настя.

– Я же говорю, что все правильно... Это в первобытном мире женщина не могла обходиться без мужчины. У кого копые потяжелей, тот и мил. Она в пещере у костра, он в погоне за мамонтами. Он сгинул, и ее никто не накормит... Сейчас женщина вполне может жить одна. И со многими. В свое полное удовольствие.

– Что за чушь?

– Это не чушь, это сексуальная революция. В Америке женщина может подойти к мужчине на улице и предложить ему секс, и никаких проблем. Никто не назовет ее шлюхой...

– Они в Америке там все вниз головой ходят. Им там все можно.

– Вниз головой?.. А с тобой прикольно! – засмеялся Женя.

И ей тоже стало весело. И страх перед ним вдруг прошел. А еще вспомнился тот первый их с Севой день знакомства, когда она отдалась ему в комнате. Не забыть ей то чувство дикого восторга, которое ворвалось в нее, когда в дверь забарабанили. Запретный плод не просто сладок, он еще и возбуждает...

Она и сейчас вдруг почувствовала возбуждение. Женя хорош собой, с ним интересно и даже весело, а Сева ей изменил, и она должна была его наказать. Но именно это ее и напугало.

– Мне домой надо, – сказала Настя.

– А как же сексуальная революция?

– Мы не в Америке!

– Так в чем же дело?

Женя резко надавил на газ, машина набрала скорость, и Настю охватило чувство полета. Крылья за спиной еще не вырастали, но легкость в теле уже вызывала приятные ощущения. Она еще не набрала высоту, но уже вдруг захотелось жесткого приземления. Как это бывало с Севой.

– Я не хочу в Америку, я хочу домой! – запротестовала душа.

– Тебе нужно успокоиться.

Его рука вдруг оказалась у нее на коленке. Настя сначала свела ноги вместе, только затем подумала, что сначала нужно было убрать руку.

– Не надо.

– Ты напряжена, тебе холодно, – сказал он.

– Холодно? – Настя прислушалась к себе.

Озноб ее уже не сотрясал изнутри, но не было и ощущения тепла. И она бы точно не отказалась от горячего чая.

– Он ушел, ты долго сидела на скамейке.

– Откуда ты знаешь?

– Однажды меня тоже бросила девушка... Или ты думаешь, что мужчин не бросают?

– Ну, бывает...

– Но я нашел в себе силы пережить расставание. И с тобой

ничего не случится.

– Мы не расстались... Просто он хочет и со мной, и с Олесей...

– А ты сможешь спать с Олесей?

– Я?! С Олесей?! Что-то я не поняла.

– В Америке это в порядке вещей, когда мужчина спит с двумя женщинами сразу.

– Сева не из Америки.

– Значит, порнушки насмотрелся... В видеосалонах по ночам крутят. Да и напрокат видак можно взять...

Настя знала, что такое порнушка. И видеомагнитофон у них дома был. Возможно, даже «грязная» кассета была припрятана. Она слышала, как отец шептался с дядей Олегом, что-то о «клубничке» говорили... Секс – дело такое, про него не говорят на людях, но о нем кричат под одеялом. Все это понятно, но разве в жизни женщина может спать с женщиной?

– Еще как может, – сказал Женя. – И мужчина с мужчиной может, и женщина с женщиной...

Настя удивленно глянула на него. Он отвечал на вопрос, который она задала самой себе в мыслях. Или вслух?

– Разве я об этом спрашивала?

– Нет. Ты ответила, – улыбнулся он. – Ты сказала, что тебя возбуждают разговоры о сексе.

– Я этого не говорила!

– Не говорила, но я тебя услышал.

Его рука вдруг поползла вверх по бедру. Настя с ужасом осознала, что все это время она сжимала коленками мужскую ладонь. И ей было приятно.

– Убери лапы!.. – Она отбросила его руку. – И останови машину!

– Зачем? – Он вдруг взял влево и на скорости развернул машину прямо на дороге.

Сначала Настю бросило в одну сторону, а затем уложило на него.

– Что ты делаешь?

– Везу тебя домой. Из Америки. Где ты уже кое-чему научилась.

– Чему я научилась?

– Ну, может, еще и не научилась, но уже согрелась... – улыбнулся он.

– Согрелась?

– Тебе холодно?

Настя мотнула головой. Нет, ей не холодно.

– С тобой не замерзнешь...

– Тебе со мной понравится.

– Нет.

– И спать ты будешь только со мной. Никакой Олеси в нашей постели не будет, – без всякой иронии в голосе сказал он.

– И меня там не будет... И, вообще, откуда ты знаешь про Олесю?.. И кто тебе сказал, что моего парня зовут Севой? –

спохватилась она.

– Я все про тебя знаю, если ты этого не поняла.

– Откуда?

– Откуда... Спрашивал, узнавал... В душу ты мне запала.

Я бы сказал, что как заноза, но не могу. Ты в моей душе как луч света в темном царстве.

– Давай без лирики.

– Я мог бы и без лирики, но тебе нравится...

– Не нравится. Если бы нравилось, я бы не говорила...

– Женщина говорит одним полушарием, а думает другим.

А истина где-то посередине.

– На нулевом меридиане, – усмехнулась Настя.

Что верно, то верно. Она просила Женю отвезти ее домой, но хотела при этом остаться в машине. Втайне от себя, но хотела.

– Предлагаю начать нашу жизнь заново, с этого нулевого меридиана, – серьезно сказал он.

– Нашу?

– Ты и я. А Сева пусть занимается глупостями.

– Глупостями?

– Он еще молодой. Киножурнал «Хочу все знать» – это про него. Всё и со всеми. А красивых женщин много, глаза разбегаются. И с тобой хочется, и с Олесей, и со всеми сразу. Но со всеми не получится, а с вами двумя разом – запросто...

– Как это запросто? – возмутилась Настя.

Она с трудом представляла, как это можно спать в одной

постели втроем. Она с одной стороны, Олеся с другой, все голые, все в движении... Нет, это какая-то дикость.

– В фантазиях возможно все.

– Да нет, ты не так понял. Он хочет со мной и с Олесей по очереди...

– Ты не знаешь, что у него там в фантазиях. А он сейчас живет фантазиями. Ты не знаешь, а я знаю, сам через это прошел. И понял то, что ему еще только предстоит понять.

– И что ты понял?

– Я дошел до нулевого меридиана. И в минус жить больше не хочу. Буду жить в плюс...

– А Сева живет в минус?

– Я больше не хочу говорить о Севе, – твердо сказал Женя.

– Я хочу.

– Ты можешь о нем думать, – пожал плечами он. – Но не вслух.

Настя удивленно глянула на него. С чего это вдруг он стал устанавливать порядки? Но вслух она ничего не сказала.

«Девятка» свернула к ее дому, Настя это заметила и велела остановиться. Маме совсем не обязательно видеть, как она выходит из машины.

А выходить из машины не хотелось. Здесь так тепло. И еще ей нравилась атмосфера волнующего спокойствия. Женя говорил удивительные вещи, но при этом ей совсем не было страшно. И ее даже не покорило от мысли, что одна женщина может провести ночь в постели с другой.

– Предлагаю культпоход в кино. – Женя улыбнулся, но взгляд остался серьезным.

– Сейчас?

– Я заеду за тобой через два часа. Форма одежды – вечерняя.

– Это как?

– Я хочу, чтобы ты выглядела лучше всех.

– Но я не хочу в кино.

Женя как будто почувствовал ее неуверенность. Одним полушарием она говорила «нет», другим думала – «да». А вектор нулевого меридиана показывал на кинотеатр «Аврора».

– У тебя осталось два часа.

Женя вышел из машины, открыл дверь, подал руку. А руку он держал твердо, жестко, хотя, казалось, и без видимых усилий. У Насти возникло чувство, будто она оперлась на самые настоящие перила. Можно сказать, Женя подставил ей свое крепкое мужское плечо. И она оценила это. Поэтому на свидание надела свое самое лучшее платье. Не забыла и кожаный плащик. А шляпку оставила дома, зато распустила волосы. И сама распустилась – как цветок навстречу солнцу. Но светить ей будет Женя. А Сева...

Настя оставила Севе шанс. Если он позвонит, скажет, что хочет быть с нею, она его простит и останется дома. Но Сева не позвонил. И, открывая дверь, Настя мысленно послала ему прощальный привет. А переступая порог, почувствова-

ла стартовое волнение. И сердце ухнуло, как парашютист – в свободное падение. И неизвестно, раскроется парашют или нет.

Женя ждал ее на том самом месте, где они расстались пару часов назад. Как будто и не уезжал никуда. Он стоял возле машины и курил. Увидев Настю, он улыбнулся, удивленно повел бровью, давая понять, что заинтригован.

– Я знал, что ты сразишь меня наповал, – сказал он, открывая дверь.

– Наповал не надо, – улыбнулась она.

– Почему? – спросил он, усаживаясь за руль.

– Мне больше нравится, когда ты стоишь.

– Ты думаешь о постели?

– Я?! О постели?! – вскинулась Настя.

Но удивления не было. Она уже привыкла к таким вот курьзам в разговоре с Женей.

– Не хочешь, чтобы я с тобой лежал, – усмехнулся он.

– Если не хочу, то какая может быть постель?

– А может, и хочешь?

– Ты назвался серьезным человеком.

– Я сама серьезность, – кивнул он. – Поэтому мы едем ко мне домой.

– Это что-то новенькое.

– Новенькое. В твоей жизни новенькое. И ты должна пощупать это своими руками. В смысле, ты должна убедиться в том, что мой дом – типичное жилище холостяка. Ты должна

знать, что я еще молодой и уже не женатый.

– Уже?

– Давно это было. Рано женился, рано развелся... Дураком был.

– Потому что развелся?

– Потому что женился...

– Не хочу я к тебе домой.

Женя промолчал, а машина продолжала ехать – в сторону центра. Неожиданно он свернул к одному из множества однотипных частных домов, окнами выходящих на оживленный тротуар. Сразу за этим кварталом начинался главный в городе проспект, разделенный каштановой аллеей.

Женя остановил машину, заглушил двигатель, вышел. Настя думала, что он откроет дверцу с ее стороны, но его куда больше интересовала калитка. Она видела, как он вставил в замочную скважину ключ, открыл калитку и скрылся во дворе. А калитка осталась приоткрытой.

Она ждала его минуту, две, пять, десять. А он все не появлялся. Настя пожалала плечами, вышла из машины, приблизилась к калитке. Постояла немного и зашла во двор.

Двор узкий, под навесом из винограда, справа – крыльцо дома, слева вход – в летнюю кухню. Дверь в дом открыта.

Во дворе было чисто, уютно, но ничего выдающегося Настя не заметила. А в доме, сразу за дверью она увидела гарнитурную стенку, какие ставят в прихожей. Мебель массивная, но изящная, из натурального дерева. Такую в магазине

не купить, такую делают только на заказ. На стенах дорогие свежие обои. Настя залюбовалась, задумалась и вздрогнула, когда открылась дверь.

Из комнаты в прихожую вышел Женя.

– Ты здесь? – радушно улыбнулся он.

– Да вот, зашла.

– И правильно. – Он задорно подмигнул ей, помог снять плащ.

Она разулась, он подал тапочки – большие, мужские, но совершенно новые. И распахнул дверь, приглашая зайти в комнату.

А там такая же замечательная мебель. И обои на стенах ничем не отличались от тех, которые Настя видела в прихожей. Японский телевизор на специальной тумбочке, видеомагнитофон.

– И ты здесь живешь?

– Один как перст.

– Ну да.

Все вещи в доме вроде бы на местах, но здесь не было уюта, который могла создать только женская рука. Пыли на мебели вроде бы нет, но на глянцевых поверхностях заметны были грязевые разводы. Мебель здесь протирали абы как. И на самом верху гарнитурной стенки наверняка слой пыли. Мужская рука туда бы не добралась.

– Пещера есть, а хранительницы очага нет, – сказал он.

– Ну, я огонь здесь разводить не собираюсь...

– Может, глянешь, какого мамонта я добыл?

Женя обнял ее за талию, но только для того, чтобы направить к дивану. Настя еще и возмутиться не успела, как он отстранился от нее и скрылся на кухне.

Он принес две тарелки, одну с холодным мясом, другую с колбасой. К этому времени у Насти созрел закономерный вопрос. Разве она не говорила Жене, что не хочет ехать к нему? Но возмущаться уже было поздно. К тому же она сама зашла в дом.

Женя подал ей тарелки, она взяла их, приподнимаясь с дивана. Он поставил перед ней журнальный столик, извлек из серванта вилки, ножи, также подал ей. И снова ушел, чтобы вернуться с вазой в одной руке и бутылкой шампанского в другой. Поставил все на стол, полез в сервант за бокалами.

Настя окинула взглядом стоящие на столе тарелки – мясо, колбаса, сыр. В вазе – виноград, апельсины, все вперемешку. Вроде бы все неплохо, но если бы стол накрывала женщина, она бы приготовила горячее блюдо. И не забыла бы о салатах.

Женя поставил бокалы, достал из шкафа и открыл коробку шоколадных конфет. А откупорив шампанское, сел и наполнил бокалы.

– И это, по-твоему, кино?

Он кивнул, смахнул с дивана пульт дистанционного управления и включил телевизор. Запустил он и видеомагнитофон. На экране телевизора появился ожесточенный Брюс Ли, с криком «Кия!» он ударил ногой в челюсть како-

го-то толстого азиата.

– Чем не кино?

– Ровно в одиннадцать я должна быть дома, – сказала она.

– Это если ты гуляешь с Севой... Или ты уже сказала родителям, что гуляешь со мной?

– Я с тобой не гуляю.

– Если ты со мной, то можешь жить здесь круглые сутки, – улыбнулся он.

– Ну конечно!

– Как только твои родители со мной познакомятся, они сами отдадут тебя в мои заботливые руки.

– Ты хоть сам себе веришь?

– А кто у тебя отец?

– Судья.

– Футбол, баскетбол?

– Народный суд.

– Ух ты!..

– А ты не знал?

– Откуда? – Женя отвел в сторону глаза.

– Ну про Севу ты узнал...

– Сева мой враг, а твой отец – мой друг. Даже если он судья... Насколько я знаю, тебе уже исполнилось восемнадцать.

– Развратные действия тебе не грозят, – усмехнулась она.

– Никакого разврата. Никакой «Кама Сутры». Все строго в рамках приличия. Он сверху, она снизу, свет выключен, –

весело, но с серьезным выражением лица проговорил Женя.

– Прекрати! – Настя глянула на него с укором, но без возмущения.

– За приличия под покровом ночи!

Он поднял бокал. Настя пожалала плечами, но за ним все же повторила. И тост приняла – на грудь. Хотела сделать один глоток, но шаманское показалось таким вкусным. Да и расслабиться вдруг захотелось. Она поставил на стол пустой бокал.

– Между первой и второй...

Женя снова наполнил бокалы. Настя глянула на него как на несчастный случай, от которого ни спрятаться, ни скрыться. И откинулась на спинку дивана. А диван такой мягкий, такой приятный на ощупь. Она сидела на нем, он ее – обнимал. Но этих объятий ей показалось мало.

– Освоилась? – спросил Женя.

– Освоилась? – Настя удивленно вскинула брови.

Но от спинки дивана не оторвалась. Так устала она за день, так не хотелось двигаться. А Женя со всеми своими скользкими подковырками ничуть ее не пугал.

– Осваивайся. Тебе можно, – улыбнулся он. – В интерьер вписываешься.

– И много у тебя таких было?

– Было. Но в интерьере будешь только ты одна.

– У меня парень есть.

– Твой парень сейчас в кружке.

– В каком еще кружке?

– Кройки и шитья. Даже не буду думать, кого он там кроит и порет... Не интересно. Да и неохота о дураках говорить.

– Кто дурак?

– От тебя только дурак мог отказаться...

– Сева не отказывался!

Женя кивнул, одновременно с этим пожав плечами. И ничего не сказав, отщипнул несколько виноградных ягод. Одну за другой забросил в рот, разжевал и закрыл глаза, смакуя удовольствие.

– Хорошо! – выдохнул он.

– Даже виноград у тебя – «Дамский пальчик», – усмехнулась она.

– Сначала пальчики, потом губки...

Он поднял бокал, Настя кивнула, присоединяясь к нему.

– За твои сладкие губки! – сказал он, пристально глядя на нее.

Женя не давил на нее, он, казалось, хотел растворить в ней свой взгляд. И растворял, отдавая ей свою энергию. Может, потому ей вдруг стало жарко. И щеки запылали.

Настя не хотела пить за свои губки. Слишком уж дурацким казался этот тост. Но холодное шампанское могло унять жар в ее душе, и она с жадностью припала к бокалу. А когда выпила, Женя вдруг припал к ней.

Он целовал мягко, но при этом его губы намертво приклеились к ней. Во всяком случае, Настя вдруг поняла, что от-

талкивать его бесполезно. А оттолкнуть надо было. Она же не такая, чтобы вот так сразу...

Он медленно водил языком по внутренней стороне верхней губы. Медленно, натужно, как будто взбалтывал засахаренный мед. И этот сладкий сгусток становился все мягче, к нему примешивалось томление женских чувств, вкус шампанского. Этот коктейль взбалтывался все быстрее, от него заискрило, брызнуло горячими, парализующими волю каплями. И в этом коловороте закружилась сама Настя. Центробежные силы не давали пощады, они вмешивали ее в страстное волнение, от которого кругом шла голова и сладко-ватно ныло в низу живота. Они уже сняли с нее одежду – вместе с трусиками. И унесли, расплескали по стенкам реальности чувство протеста. Она даже не пикнула, когда Женя уложил ее на спину. И даже сама собиралась развести мосты, отрезая себя от прошлого.

Но Женя раздвинул ей ноги силой. И порывисто вжался в нее. Она даже почувствовала боль от резкого движения. Почувствовала и вскрикнула, но Женю это не остановило. Напротив, он как будто взбесился. Ей стало страшно.

Страх этот захлестнул душу, смешался там с запретными желаниями, выплеснулся тугой густой волной – поднимаясь, расширяясь. Эта гигантская волна подняла Настю над реальностью, закрутила ее, кувыркнула и швырнула на берег, где она со стоном растеклась по твердым камням. Это было что-то с чем-то. С Севой ничего подобного она никогда не испы-

Тывала...

Глава 4

Шампанское приятно смочило пересохшее горло. Настя осушила бокал, налила себе снова, выпила.

– Хочешь напиток? – лениво спросил Женя.

– Ты меня изнасиловал.

– Э-э, не обманывай себя!

– Я не обманываю!

– Самообман – опасная штука. Особенно если слово расходится с делом. Тебе понравилось, а ты себя накручиваешь. Будешь потом по ночным паркам ходить, маньяков искать...

– Я его уже нашла!

– Повторим?

Настя резко глянула на Женю, но не выдержала, отвела взгляд. Он должен был понять, что ее тошнит от одной только мысли об этом. Но на самом деле она совсем не прочь была повторить этот первобытный танец охотника за мамонтами. Эти пляски с копьем, ямы с заостренными кольями в них... А если появится еще и само стадо мамонтов... Нет, она не станет ложиться под них. Она же не тряпка, чтобы стелиться под бьющие ноги...

– Мне нужно принять душ, – сказала она.

Женя, кивнул, поднялся и, в чем был, пересек гостиную, скрылся в спальне. Вернулся в халате, запахивая его на ходу. Под мышкой у него был какой-то пакет, который он отнес в

ванную.

Когда он вернулся, Настя полусидела на диване, закрываясь платьем. Он взял ее за руку, увлек за собой.

В ванной у него не было шторы, ее заменяли стеклянные створки, за которой она почувствовала себя как в кабинке. И почему-то вспомнилась пляжная раздевалка. Настя ждала своей очереди, появилась Олеся, внаглую опередила ее... Она и сейчас впереди нее. В объятиях Севы... Ну и пусть они пропадают там, а она остается с Женей. И ничего страшного, если по ней все же протопчется стадо мамонтов...

* * *

Пары закончились, можно идти домой. На улице распогодилось, солнце растолкало тучи, которые в ее лучах казались кусками огромной небесной мозаики.

Настя улыбнулась, глядя на небо. Настроение у нее хоть куда, и нет никакого желания смотреть под ноги. Только вперед, только вверх.

Но под ногами у нее копошились рожденные ползать. Один такой субъект перегородил путь. Настя недовольно глянула на Севу.

– Привет! – натянуто улыбнулся он.

– Я знаю, что ты с приветом, – кивнула она.

– Не злись, не надо.

– Я не злюсь, мне смешно.

Настя озадаченно смотрела на Севу. Серая болоньевая куртка на нем, тесные шерстяные брюки из тех комплектов, которые продаются в товарах для школы, разбитые ботинки. Как-то раньше она не замечала, как он одет, а сейчас вдруг глаза открылись. Что это такое? Неприятие убогих или потребность искать в нем недостатки – чтобы легче пережить разлуку?

– Я знаю, это от обиды... Но и ты должна меня понять. Олесья попала в историю, кто-то должен был ее пожалеть.

– Ты хочешь пожалеть ее в одной кровати со мной? – хмыкнула Настя.

– Что ты такое говоришь? – вытаращился на нее Сева.

– Это ты сказал. И со мной хочешь, и с ней...

– Я не в том смысле...

– Меня больше не интересует твой смысл... – Она снова окинула его придирчивым взглядом.

Внешне он, конечно, хорош собой, но прикид ни в какие ворота. Может, и у Олеси открылись глаза. Может, потому и послала она его куда подальше. А она могла послать. И конфетка у нее что надо, и обертка такая же блестящая. Олесе не трудно снять упакованного мужчину. Да и есть у нее наверняка кто-то. А Сева так, чисто приколоться от нефиг делать.

– И Олесю, я так понимаю, тоже... – усмехнулась она. – Признайся, что она тебя кинула!

– Да нет, она со мной...

– С тобой. На ниточке. Когда ниточка оборвется, за мной

не ходи.

– Дело не в ниточке. Я твоему отцу слово дал...

– Забудь! – Настя усмехнулась, повернулась к нему спиной и прочь застучала каблучками.

Уж она-то одевалась не в пример Севе. Отец баловал дочь, потому как мог себе это позволить. Может, Сева просто решил присосаться к источнику благополучия? Ну, тогда он вдвойне козел.

– Настя!

– Отвали!

Все, прошла любовь, пусть Сева сам давится своими помидорами. А у нее дела.

На остановке она села не на «семнадцатый», как обычно, а на «четвертый» троллейбус. И через пять остановок вышла на улице Лермонтова. Сто метров пешком, и она дома. У Жени.

Сам он был на работе, и ему просто некогда было встречать ее из университета. Да она и не просила. Мужчина должен зарабатывать деньги, а не штаны за партой протирать, как некоторые. Женья и без того потерял массу времени, пока окучивал ее, а у него каждая минуты на особом счету.

У Жени был свой кооператив, он шил и торговал кроссовками. Дело это прибыльное, но такое хлопотное. То сырье нужно доставать, то станок сломался, то мастер заболел, а еще сбыт нужно организовать. С барахолкой все просто, там товар уходил, что называется, влет, но такой рынок работал

только по выходным. Приходилось искать другие точки сбыта. Какие – он не говорил. Видно, там работали какие-то не совсем законные схемы, а Женя еще не очень доверял Насте. Но ничего, когда-нибудь полностью откроется ей. Хотя она не будет его об этом просить. Ей все равно, чем он занимается, главное – чтобы с ним все было хорошо.

Сейчас она уберется в доме, приготовит ужин, вечером подъедет Женя, похвалит ее за стряпню, а потом... Он уже больше не берет ее с такой остервенелостью, как тогда, в первый раз, но так она и не просит. Зачем, если все хорошо и без этого? Тем более что секс – это вовсе не главное в отношениях между мужчиной и женщиной.

Жаль, что вечером, в десять часов, ей придется отправиться домой. Родительский контроль по-прежнему строг, а спорить с отцом бесполезно. Да и у мамы характер еще тот...

Настя готовила на вечер овощное рагу с телятиной. Она уже заканчивала, когда позвонил Женя. Он попросил пожарить мяса на сковороде. И заказал салат «Оливье». В морозилке лежал кусок свинины, нашла она и вареную колбасу. К семи вечера все было готово. Но Женя появился в половине девятого. И не один.

С ним был мужчина в возрасте – рослый, грузный, с широким рябым лицом. Глазки маленькие, масляные. И взгляд у него – кожу живьем содрать можно.

Кожу он с Насти не содрал, но голой она себя почувствовала.

– Познакомься, мой компаньон и старинный приятель! Анатолий Александрович, прошу любить и жаловать! – Женя порхал вокруг него как мотылек над огоньком.

– Толик! – Гость протянул ей руку, это напугало Настю.

Ощущение было такое, как будто удав к ней из норы вылез. Она глянула на Женю, и тот кивнул, подталкивая ее.

Только тогда она протянула руку. И рябой ее поцеловал. Он приложился губами к ее ладони, а чувство было такое, как будто он лизнул где-то под юбкой. Омерзительное чувство.

Неряшливый он мужик. Пиджак дорогой, кожаный, джинсы фирменные, но смотрелось это на нем как новые колеса от «Волги» на старом ржавом «Запорожце». В парикмахерской давно не был, ногти не стрижены, а когда он разулся, пахло грязными носками. И глаза у него желтушные: видно, проблемы с печенью.

Анатолий Александрович прошел в комнату, сел на диван. Настя быстро накрыла на стол. И когда все было готово, гость велел ей сесть. И рукой показал на место рядом с собой. И взгляд у него был такой, как будто он собирался ее обнять.

Настя глянула на Женю, тот какое-то время неподвижно смотрел на нее, затем едва заметно мотнул головой. Он не хотел, чтобы она сидела рядом с гостем.

– Мне вообще-то домой уже пора, – сказала она.

Женя кивнул. Да, такой вариант его вполне устраивал.

– А с кем мы будем спать? – удивился рябой.

– С Настей, – улыбнулся Женя. – Нам же все равно, что в одном доме с ней спать, что в одном городе.

– Ну, на одну постель я не претендую, – сально усмехнулся гость.

– Еще бы ты претендовал! Я за Настю кому хочешь глотку перегрызу!

– Есть один фуфел... – Анатолий Александрович осекся, глянув на Настю. – Есть один очень нехороший человек, я хочу, чтобы ты ему глотку перегрыз.

– Ну, он же Настю не обижал...

– А ты представь...

– Кушать будете? – резко спросила Настя.

Гостя занесло на повороте, и она ясно ему дала это понять. Может, Женя в чем-то и заискивал перед ним, но меру в любом случае надо знать.

– Я бы тебя съел... – сказал рябой. – Но Женя не разрешит...

– Не разрешу!

Настя качнула головой, сочувствующе глянув на Женю. Она-то уйдет, а ему обхаживать этого придурковатого.

Женя откупорил бутылку, разлил водку по рюмкам.

– А ей? – глянув на Настю, спросил рябой.

– Ей нельзя, у нее родители.

– И что?

– Унюхают, запрут дома.

– Забей на предков, паца, и все дела. – Гость сально подмигнул Насте.

– Я подумаю, – выдавила она.

– Обижаешься? – Анатолий Александрович пристально посмотрел на нее.

Настя отвернула от него голову.

– Обижаешься. А нельзя обижаться... Обиженных нигде не любят... Вон Женя это знает... Его в свое время пытались обидеть, а он ничего так, выстоял...

– Анатолий Александрович... – Женя увещевательно глянул на гостя.

– Я Жене всегда во всем помогал... И еще помогу, если надо будет... И тебе, девочка моя, помогу...

– Я не ваша девочка.

– Ну, давай за нашу девочку!.. – Рябой поднял рюмку, но Женя качнул головой. – Что не так?

– Не надо ноги на стол выкладывать, – сказала Настя.

– Ноги?! На стол?! Ну, может быть...

Анатолий Александрович чокнулся с Женей, выпил, поморщился.

– Не прет.

– Я сейчас Настю отвезу... – Женя выразительно глянул на гостя, поднялся.

– Так давай вместе с ней разгонимся...

– Нет.

Женя показал Насте на выход, и она улыбнулась, с радо-

стью принимая его решение.

– Куда он разогнаться хочет? – уже в машине спросила она.

Конечно же Настя догадывалась, на что намекал рябой.

– Куда-куда... – пожал плечами Женя.

– Наркоман?

– Много будешь знать, скоро состаришься.

– Ты же с ним не будешь?

– Ну, не знаю, может быть.

– Ты что, серьезно? – встрепенулась она.

– Иногда под настроение можно...

– Нет, ты шутишь.

– Что-то я не понял, что за кипешь? – спросил он, удивленно глянув на нее.

Настя уже знала, что Женя сидел – три года за фарцу. И ее не удивляли его блатные словечки. И с уголовниками он знакомство водил, но так это часть его бизнеса. Воры снимали процент с цеховиков, кооператоров, но вместе с тем они еще и помогали раскручивать дела. Во всяком случае, так говорил Женя.

– Наркотики вызывают зависимость, и ты это знаешь.

– Ну, это если меры не знать, а если так, иногда... Ты хоть раз видела, чтобы я? – Женя шлепнул себя пальцами по сгибу локтя.

– Нет! – Она большими глазами смотрела на него.

– А я пробовал. И не раз... И ничего! Это я тебе на всякий

случай говорю, вдруг переживать будешь...

– Буду!.. И запрещаю тебе!

– Сдаюсь!

– Я серьезно!

– И я серьезно... Выпью водочки, уложу Сластика, и спать... Можешь ночью подъехать, проверить...

– Да нет, я тебе верю, – успокаиваясь, сказала Настя.

– И правильно делаешь. Наркота – это глупость, а я человек серьезный...

– А кто он такой этот Сластик?

– Хочешь сказать, что он тоже глупость?.. – засмеялся Женя. – Ну так без него на меня так наехать могут, что костей не соберешь.

– Кто может наехать? Воры?

– Воры... Воры – народ серьезный. Хотя и среди них встречаются отморозки... Ты себе голову не забивай, нормально все будет. Завтра придешь, от Сластика духу не останется... Или не придешь?

– Приду.

– А я пораньше подъеду... Долбаный Сластик!

– Что такое? – встрепенулась Настя.

– Что такое! – весело передразнил ее Женя.

И вдруг свернул в сторону, съехал на газон и остановился. Место безлюдное, темное, Настя сразу поняла, что все это значит.

– Может, не надо? – спросила она, настраиваясь на игри-

вый лад.

А когда Женя взгромоздился, она ощутила страстное чувство азарта. Это сейчас здесь не было людей, но в любой момент могли появиться сотрудники милиции, задержать их за нарушение общественного порядка. И тогда ей не избежать позора. Но именно страх перед законом и возбуждал.

* * *

Сева появился на пути, будто из-под земли вырос.

– Ты хоть предупреждающий знак ставь, – поморщилась Настя.

– Так я и хочу тебя предупредить, – с самым серьезным видом кивнул он.

Но Настя засмеялась, глядя на него. Интересно, как бы он себя вел, если бы она бегала за ним? Воротил бы нос, кривился в ответ на попытки заговорить. А так он сам бегаёт за ней, можно сказать, проходу не даёт. И всё потому, что у неё теперь есть другой. И Сева ей больше не нужен.

– Я знаю, с кем ты встречаешься.

– А подглядывать нехорошо, – хмыкнула она.

– Его Женя зовут.

– И что?

– Он с Олесей гулял.

– Да нет. – Настя нахмуренно качнула головой.

– Я ему морду набил, он от Олеси отстал. А к тебе прилип.

Вот скажи, зачем он это сделал?

– Зачем?

– Ему Олеся нужна, а не ты... Он к Олесе подкатывает, а не к тебе...

– Я уже с ним две недели, он со мной ни разу про твою дуру не заговорил.

– Значит, заговорит... Мутный он какой-то.

– Он, может, и мутный, а ты нудный. Достал!

Настя обошла Севу, продолжила путь.

– Нахлебаешься ты с ним! – донеслось вслед.

Настя сделала вид, что не услышала. Да и зачем ей заморачиваться на какие-то глупости? Ясно же, что Севой движет зависть, вот он и сочиняет небылицы.

Женя должен был быть на работе, но во дворе стояла его машина. И дверь была приоткрыта. Настя зашла в дом и в гостиной увидела незнакомую парочку. На диване в обнимку с губастой брюнеткой сидел белобрысый тип с рыбьими глазами. А в кресле, раскинув руки, сидел Женя.

Брюнетка смазливая, длинноногая. Юбка у нее короткая, а волосы немытые, сальные. По губам размазана помада, вокруг глаз испачкано тушью. На улице уже холодно, а ноги у нее голые, без колготок или чулок. И вид потрепанный, как будто ее здесь по кругу гоняли.

Парочка никак не реагировала на нее. Брюнетка сидела с закрытыми глазами и блаженной улыбкой на губах, а ее кавалер смотрел куда-то вдаль стеклянными глазами. И Женя

едва замечал Настю. Он помахал рукой, но смотрел куда-то через нее, как будто она была сделана из стекла.

– И что это значит? – спросила она.

Женя даже не шелохнулся. Как смотрел на нее, так и остался с открытыми глазами. Но сам взгляд вдруг ожил. И сам он будто очнулся.

– Ты уже вернулась?

– Ну, если я не галлюцинация.

– Галлюцинация... Тут была галлюцинация... – Женя глянул на брюнетку. – Ты ее видишь?

– Вижу.

– А что курила?

– Я курила?!

– Тсс! – Женя приложил палец к губам и неуверенно поднялся.

Его не качало, но на ногах он держался нетвердо. А когда он нагнулся, его повело в сторону. Но он уперся, сжав рукой голую коленку брюнетки.

– Гараж, алло! Пора на выезд!

Белобрысый кивнул, поднялся и пошел на выход. Брюнетка потянулась за ним, схватила за руку. Он вырвался, но она пошла его догонять. Настя открыла дверь, выпустила их.

В прихожей они обулись, оделись, при этом едва замечая ее. Под кайфом они, так же как и Женя.

Настя выпроводила парочку, зашла в комнату. Женя сидел в кресле и что-то напевал себе под нос, рассматривая

растопыренные пальцы правой руки. Настя зашла в спальню, а там бедлам. Покрывало на кровати смято, на полу валяются женские трусики, чуть в стороне использованный презерватив.

А на кухне в мусорном ведре она нашла использованные шприцы.

Разбираться она не стала. Вышла в прихожую, обулась, оделась, но входная дверь была закрыта на замок. А ключа нигде не было.

Она вернулась в комнату. Женя сидел в той же позе, но уже не пел. И пальцами правой руки, сжатой в кулак, подпирал подбородок.

– Я Лильку не шпанил. – Сначала он провел большим пальцем по верхнему клыку, а затем перекрестился.

– А шприцы?

– Я не в затылок.

– Ты хоть понимаешь...

– Что я понимаю? – Женя проясненно глянул на нее. – То, что наркотики вред? Так меня не тянет... Я со Сластиком ни разу не ширнулся...

– А СПИД?

– А я что, дурак, чтобы на чужом баяне играть? У меня свой шприц. И морфий – чистой воды...

– А на Лильку в презервативе, да?

– Да это Ленька, мудака... Мы с ним знаешь как в школе дружили... Слушай, ты же не думаешь, что я мог дернуть

его жену?

– А Лилька – его жена?

– В больнице работает. Медсестрой...

– Не хотела бы я в такой больнице лечиться...

– Ну, дура она, не вопрос. Но склянка у нее чистая...

Леньку, правда, развезло... Они что там, у нас в спальне?

– А то ты не знаешь!

– Ну, слышал что-то...

– Когда с Олесей по телефону говорил, да?.. Или она здесь была? – едко спросила Настя.

– Какая Олеся?! – вытаращился на нее Женя.

– А из-за которой тебе Сева морду набил!

– Ну, это еще кто кому набил, – скривился он.

– Было?

– Было!.. Ты даже не представляешь, какой я настыр-
ный! – Женя поднялся, направился к ней.

Настя отступила назад, но Женя продолжал приближаться. Она уперлась спиной в сервант, он приблизился к ней, но не обнял, а просто взял за руки.

– Ты мне отказала, помнишь? – спросил он, пытаясь за-
гипнотизировать взглядом. – Типа, у тебя Сева есть...

– И что?

– Ничего. Я и Севу нашел, и про вас все узнал...

– И Олесю снял.

– И Олесю снял, – кивнул он. – Это было нетрудно. Бабы
меня любят.

– Ты с ней спал?

– Мог бы. Она была не против. Но я не стал... Ей нужен был Сева, мне – ты, мы заключили сделку.

– Сделку?

– Был спектакль, Сева на него повелся. И Олеся залезла к нему в постель.

– Хочешь сказать, что ты уложил его спать с Олесей?

– Я всего лишь хотел проверить его на вшивость, – усмехнулся Женя.

– И кто ты после этого?

– А мне все равно, что ты обо мне думаешь. Главное, что я добился своего. И теперь ты моя.

– Ты знаешь, кто ты такой после этого?

– Я знаю, что ты от меня никуда не денешься!

Женя навалился на нее, прижал к серванту, в котором зазвенела посуда.

– Пусти! – Она попыталась вырваться, но Женя умел держать мертвой хваткой.

И силы в нем хватило, чтобы поднять ее на руки и отнести в спальню.

Он бросил Настю на кровать, навалился на нее. А здесь только что пользовали грязную шлюху, она вспомнила об этом, но Женя не позволил ей вырваться. И задал такого жару...

Очень скоро злость переросла в дикий восторг, от которого хотелось выть во весь голос. И в этом крике из нее вы-

шла вся обида. Да и как она могла обижаться на мужчину, который готов был на все, лишь бы добиться ее. На мужчину, которого она полюбила...

Глава 5

Будильник звал в новый день. Настя не упиралась, не зарывалась головой в подушку в надежде найти под ней несколько минут для сна. Напротив, ее будто ветром сдуло с кровати. Сейчас она поедет к Жене, проведет с ним часок-другой, а потом уже можно ехать в институт. Ну, пропустит одну пару, что здесь такого?

Она приняла душ, сменила белье, высушила волосы, накрасилась. И вышла к столу.

– У вас там в универе что, конкурс красоты решили провести? – глянув на нее, спросил отец.

– Да нет, пока еще до такого не докатились, – качнула головой Настя, с подозрением глянув на него.

– Так, может, это ты сама по себе докатилась? – Он воинственно свел к переносице брови.

– Пап, что-то я тебя не пойму, – нахмурилась она.

– Намалевалась, вырядилась...

– Я должна выглядеть хорошо.

– Кому должна?

– Ну, себе должна...

– А Севастьяну?

– Ну, и Севастьяну.

– Ты же с ним уже не встречаешься.

– Кто тебе такое сказал?

– Знаю... Знаю, что ты целыми днями где-то пропадаешь.

– Не пропадаю я, домой к одиннадцати прихожу...

Отец хотел сказать еще что-то, но махнул рукой. И зарубку себе на нос поставил. Возможно, решил проследить за Настей. Что ж, в любом случае надо быть осторожной.

– А с Севастьяном что? – спросила мама. – Почему ты с ним рассталась?

– С тобой знакомиться не хотел.

– А вот дерзить не надо! – Отец поднял руку резко, но припечатал ее к столу плавно.

– Кто дерзит? – возмутилась Настя.

– Я смотрю, ты совсем от рук отбилась!

– Папа, я тебя не понимаю! Где я от рук отбилась? Я что, пьяная домой прихожу? На дискотеках про-падаю?

– Еще не хватало, чтобы ты пьяная приходила!

– А вот возьму и приду! – Настя вскочила со стула, стремительно вышла из кухни.

– Стой! – донеслось вслед.

Но Настя не остановилась. В двадцать лет уже замуж всю выходя, детей рожают, а ей даже выпить вечером нельзя. Никакой личной свободы.

Она уже открывала входную дверь, когда ее догнал отец:

– Чтобы в шесть вечера была дома как штык!

Настя промолчала. Не придет она в шесть, но лучше об этом не говорить. Зачем устраивать истерику и обострять ситуацию, когда можно просто все спустить на тормозах?

Она не изменила своему прежнему решению и отправилась к Жене, минуя институт. Он был дома, но, как оказалось, на работу даже не собирался.

В доме пахло конопляным дымом. Женя сидел в кресле с бессмысленными глазами и застывшей улыбкой на губах.

– Ты что, куришь? – спросила она.

– Я всегда курю, – монотонно спокойным голосом проговорил он.

– Анашу?

– Анаша, анаша, до чего ж ты хороша!

– Я серьезно.

– Ну, взорвал косячок под настроение... Настроение не в дугу, проблемы у меня конкретные.

– Что такое?

– Да налоговая прикопалась... Думаешь, просто так на голову сели? Нет, кто-то посадил.

– Кто?

– Да есть там одни... Да ты не переживай, выкрутимся... А у тебя как?

– Да никак... – Настя опустилась в кресло, забросила ногу за ногу, постаралась расслабиться.

– Что так?

– Да отец узнал, что я с Севой не встречаюсь.

– Быстрый он у тебя на подъем, – усмехнулся Женя.

– В шесть часов, сказал, дома быть. И трезвой как стеклышко.

– А ты травки дерни, не унюхает.

– Дело не в этом, дело в том, что он теперь следить за мной будет. С кем я там встречаюсь...

– Со мной встречаешься.

– Ну, не говорить же ему об этом...

– Почему? – удивленно повел бровью Женя. – Ты меня стесняешься?

– Нет, не стесняюсь.

– Тогда в чем дело?

– В чем дело? – замялась Настя.

Действительно, а почему она не думает о том, чтобы познакомить Женю с родителями? Боится прослыть несомненной?..

– Да, в чем дело? – Он пристально смотрел ей в глаза.

Взгляд въедливый, осмысленный. И не скажешь, что Женя под кайфом.

– Ну-у... А надо?

– Конечно, надо!..

Настя нежно улыбнулась, глядя на него. Неужели все так просто? Женя познакомится с отцом, покажет себя с хорошей стороны, и все вопросы отпадут.

– Или ты не собираешься за меня замуж? – возмущенно спросил он.

– Ну, я не думала...

– Значит, не хочешь... К Севе хочешь вернуться? – В его голосе сквозила обида.

– Не хочу. И не собираюсь... Я тебя люблю.

– Впервые слышу.

– Ну, не я же первой должна признаваться...

– А я должен. И бегать за тобой, и в любви признаваться...

Нет, я не против, так и надо. Но я хочу, чтобы между нами не было недомолвок. Или ты со мной, или со своим Севой.

– Ну конечно, с тобой!

– Без вариантов? – Он поднялся с кресла, подошел к ней.

– Без вариантов, – кивнула она, вытягиваясь перед ним во весь рост.

– Я хочу, чтобы ты показала, как ты меня любишь. –

Взгляд его затуманился, на губы легла блудливая улыбка.

– А зачем я, по-твоему, здесь?

Он кивнул, обнял ее, крепко прижал к себе. Сначала Настя просто плыла по течению, затем закрутилась сама, перебив у него инициативу. Страшно было подумать о том, что увидел бы отец, если бы вдруг зашел к ним. Но Настя просто не могла об этом думать...

А потом они лежали в обнимку в постели, голые и счастливые.

– Мне, наверное, уже пора, – сказала она.

– Наверное, – усмехнулся он.

– Так и лежала бы здесь...

– А ты не думай, что тебе куда-то надо.

– Я не могу не думать...

– Давай попробуем отвлечься.

Он достал из тумбочки папиросу, понюхал ее, кивнул. И зажег. Это был косяк с анашой, Настя это понимала, но отказываться не стала. С трудом затынулась, закашлялась. Из глаз брызнули слезы, но это не помешало ей снова затынуться.

– Ну вот и все! – трагическим голосом сказал он.

– Что все? – испуганно встрепенулась Настя.

– Теперь ты с этого дела не слезешь?

– Хочешь сказать, что я наркоманка?

– А по-твоему, люди, которые ходят по улицам и курят, наркоманы?

– Они курят анашу?

– А просто курят. И ты теперь будешь просто курить...

– Просто курить?

– Я когда бросаю, долго не курю. А потом разок затынулся, и все, понеслась. И ты не сможешь теперь остановиться.

– Так я не бросала...

– Да?.. Ну, может, и остановишься...

– Остановлюсь бросать? – дурашливо засмеялась Настя.

– Остановишься курить.

– Брошу останавливаться курить? – захохотала она.

Это был самый настоящий приступ беспричинного смеха – до боли в животиках. У Насти пересохло в горле, а она все продолжала хохотать.

Калитка на замке, двери в дом на запоре. Машины во дворе нет. Значит, и Жени не должно быть. Настя зашла в дом, вымыла руки, на кухне взяла медную турку, насыпала туда кофе. Сначала нужно передохнуть с дороги, а потом уже можно браться за уборку. Сегодня в институте был трудный день.

Это раньше было легко, а сейчас она рвалась сюда, к Жене. Учеба уже мало интересовала ее, поэтому занятия тянулись невыносимо медленно.

Настя наливала кофе в чашку, когда на кухню кто-то вошел. Она вздрогнула, обернулась и увидела Женю.

– Предупреждать надо!

– Тсс! – Он приложил палец к губам.

Лицо у него серьезное, в глазах тревога, а в руке пистолет. Настя решила, что это зажигалка. Хотела так думать, поэтому и решила.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Я же говорил, проблемы у меня, – шепотом сказал он. –

Прийти могут.

– Кто?

– Братва... Там такие люди задействованы... Меня убить могут...

– Нет!

Настя поняла, что пистолет у него настоящий. И он готов сражаться – за нее и за себя.

– Тихо! – Он снова приложил палец к губам.

В окно что-то стукнуло, Женя встрепенулся, настороженно вжал голову в плечи. Настя же от страха едва не подпрыгнула на месте. Он махнул ей в сторону двери, осторожно подошел к окну, на ходу передернув затвор пистолета.

Настя бросилась к входным дверям, проверила замки, все на месте. От страха ее колотило изнутри.

Она вернулась на кухню. Женя так и стоял у окна, не обращая внимания на кофе. А она не удержалась, выпила. Ей нужно было согреться.

– Страшно? – тихо спросил он.

– Тебя могут убить?

– И тебя тоже... Зря ты пришла, давай собирайся, и домой.

– А ты?

– Здесь буду.

– Я с тобой! – мотнула головой Настя.

– Нельзя. Здесь опасно.

– Я тебя не брошу!

Женя сунул пистолет за пояс, подошел к ней, обнял:

– Я не могу тобой рисковать.

– Я останусь с тобой.

– Ну хорошо... Только при малейшей опасности...

Женя отвернул край ковра, под которым находился люк

в погреб.

– Если вдруг что, спрячешься здесь... – открывая люк, сказал он. – Договорились?

Она кивнула, представляя, как будет лезть в темный ход. Женя закроет люк, и она погрузится во мрак. Его убьют, и она останется там, внизу. Возможно, она не сможет открыть люк... Но зачем ей жить, если не будет Жени?

– Что там у тебя, кофе?.. – Он подошел к ней, взял чашечку, сделал глоток. – Давай еще.

– А покушать?

– И покушать.

Он вышел из кухни. Настя, поглядывая на окно, приготовила на скорую руку яичницу. И позвала его – издали.

Но Женя не шел. Тогда она сама отправилась к нему. Она нашла его в спальне. Он сидел на кровати, спиной к ней. Правый рукав у него был закатан, плечо перетянато резиновым жгутом. В левой руке у него, по всей видимости, был шприц. Нетрудно было догадаться, для чего.

– Стучаться надо, – незло сказал он.

– Не надо.

– Вот только давай без морали... Лекарство от страха...

Он снял жгут, откатал рукав, поднялся, повернулся к ней и улыбнулся. Шприца в руке не было: видимо, он бросил его на пол.

– Тогда и мне, – сказала она.

– Тебе?!

– А чем я хуже?

– Да нет, ты лучше... Просто тебе не надо. – Он качал головой, внимательно глядя на нее.

– Но мне же страшно.

– А зависимость?

– Ну ты же сказал, что ничего не будет.

– Ну, если морфий, то нет...

– А у тебя что?

– Только учти, сначала нужно плотно покушать.

– Да, я все приготовила...

– Ну, пошли перекусим, – кивнул он. – Может, передумаешь.

Женя вел себя совершенно нормально. Взгляд слегка мутноватый, а в целом ничего необычного. И речь внятная, и движения не раскоординированные.

А Настя не передумала. Крепкий кофе слегка взбодрил ее, но ей захотелось еще большего просветления. И она сама попросила Женю избавить ее от страха.

– Может, лучше домой? – спросил он.

Настя мотнула головой. Нет, она не бросит его и останется с ним до конца. Если была с ним в радости, то останется и в горе.

– Ну, смотри...

Он достал из тумбочки дефицитный одноразовый шприц, заправил его из ампулы с прозрачной жидкостью, приготовил руку.

– Сейчас будет немного больно.

Настя улыбнулась с закрытыми глазами. Когда он с ней, она ничего не боится.

* * *

Занятия закончились, можно идти домой – к Жене. Но не все так просто. Отец уже заподозрил неладное, он может начать слежку за Настей. Не приходит она домой в шесть, как он того требует, и это его злит. На работе у него какие-то неурядицы, некогда вплотную взяться за дочь, но вдруг момент уже наступил? Что, если отец уже где-то рядом? А встретиться с ним Настя не могла. Он же заберет ее, увезет домой. А на Женю наедет милиция. Там у него дома есть еще несколько ампул морфия, а это статья – за хранение наркотических средств. Нет, Настя не может этого допустить. И к родителям нельзя. Сначала она должна уколоться. Это поможет ей снять усталость и стресс. Волнуется она очень, переживает, в таком состоянии нельзя оставаться наедине с мамой, можно разозлиться, сорваться в штопор. А вот если успокоиться, то можно и домой. Если с Женей все в порядке...

Настя шла по аллее, оглядываясь по сторонам. Отца она не увидела, но заметила Севу. Обычно он вырастал из-под земли, но тогда Настя была глупой и беспечной, а сейчас она – сама осторожность. Поэтому и опасность заметила во-

время. И даже остановилась. Не убежать же?

Она не ошиблась, Сева шел прямо на нее. Все та же стремная куртка, убогие штаны.

– Ну что тебе? – Она едва не топнула ножкой.

– У тебя все в порядке? – спросил он, внимательно глядя на нее.

– Все было в порядке. Пока ты не появился.

– Нервная ты какая-то.

– Короче, что нужно?

– Да нет, ничего...

– Ну, тогда чао!

Настя повернулась к нему спиной и слишком резко взяла старт. Каблук левого сапога не выдержал нагрузки, подломился, вместе с ним подвернулась и ступня.

– Черт!

Сева поймал ее на лету, помог добраться до скамейки. Острая боль перетекла в тупую, вместе со ступней заныла и душа.

Сева присел перед ней на корточки, расстегнул молнию на сапоге, снял его. И пальцами сжал ступню.

– Больно? – Он смотрел ей прямо в глаза.

– Дай сюда! – Она нервно показала на сапог, лежащий прямо на земле.

Сева пожал плечами, поднял и передал ей сапог. А она, схватив его, осмотрела каблук. Вроде бы все в порядке, не сломано.

– Болит, спрашиваю? – Сева продолжал массировать ступню.

– Пусти! Холодно! – Она выдернула ногу.

Ступня болела, но идти, наверное, уже можно. Как-нибудь доковыляет до остановки, а там остановит машину и доедет до Лермонтова. Дальше – проще. Она знала, где находятся ампулы, шприцы...

Настя загадочно улыбнулась сама себе. Все, теперь нет никаких сомнений насчет того, нужен ей укол или нет. Конечно, нужен. Морфий отлично снимает любую боль, в том числе и душевную.

– Тебе в больницу надо, – сказал Сева, надевая на нее сапог.

– Может, лучше к тебе в общагу?

– Ну, если только отлежаться...

– С тобой?

– Вообще.

– А с тобой? – с наигранным возмущением спросила она.

– Ну, я сейчас об этом не думаю...

– Не мужик!

Настя поднялась, неуверенно оперлась на больную ногу. Ничего страшного, можно идти.

Она сделала пару шагов, и Сева взял ее под руку.

– Хорошо, уговорил, – усмехнулась она. – Беру тебя в братья. Будешь моим персональным медбратом.

– Давай я тебя домой провожу.

– Может, еще и с мамой познакомишься?

– Это ты прикалываешься?

– Ну, ты же сказал отцу, что больше со мной не встречаешься?

– Ну, он спросил, я сказал... А зачем врать?

– Не оправдывайся. Сказал и сказал...

– Какая-то ты не такая стала, – качнул головой Сева.

– А тебе больше нравилась наивная дурочка? Та, которую ты обидел?

– А если затмение нашло?

– Мне уже все равно, что там на тебя нашло...

– В тебе говорит обида. И злость... Нам нужно серьезно обо всем поговорить. И обсудить наши с тобой отношения.

– Очень хорошо. Подай заявление на имя Олеси, если она одобрит, обращай ко мне – вдруг соглашусь!

– Олеся загуляла, – тихо, под давлением сказал Сева.

– Собаке – собачья свадьба.

– С Женей.

– Что – с Женей?

– Собачья свадьба. С ним она гуляет.

– Что?!

Настя остановилась, повернулась к Сева. И снова она погорячилась, на этот раз подвернулась правая нога. Катастрофы не произошло, она не лишилась способности стоять на своих двоих. Но как же больно!..

А Женя мог изменить ей с Олесей. Смог же он использо-

вать эту дуру в игре против них с Севой. Олеся повела себя как приманка на крючке у рыбака, насадила на себя Севу. Но что ей мешало снова забраться на этот крючок?

– Ну, я точно не уверен...

– Не уверен?! – На душе у Насти полегчало.

Она повернулась и продолжила путь к остановке.

– Ну, я их вместе пока не застукал. Но я слышал, как Олеся звонила Жене...

– Ты так больше не шути!

Жене действительно звонили, но не Олеся. Кто-то из его друзей дал о себе знать. Этот же человек уладил проблему. Женя уже не боится, что его убьют, но из дома вчера уехал с пистолетом под курткой. Не все еще решено, тревожные нотки в ситуации сохраняются. Но ничего, скоро Настя успокоит брожение чувств и переживаний.

– Я обязательно узнаю, – сказал Сева.

Настя мотнула головой. Пусть следит за Олесей, а за ней ходить не надо.

– Олеся сейчас в общаге, иди, узнавай, с кем она там в номере, – с издевкой усмехнулась Настя.

– Меня ты больше интересуешь.

– Очень хорошо. Только сейчас оставь меня в покое.

Она подошла к остановке одновременно с троллейбусом, который приветливо открыл двери перед самым ее носом.

– Я тебя умоляю, не провожай!

Сева не брал ее за руку, но Настя на всякий случай дер-

нулась, отталкивая его. Поставила ногу на ступеньку.

– Твой Женя – еще та сволочь! Он тебя до добра не доведет! – ей вслед сказал он.

Настя никак не отреагировала на эти слова. Все равно, что там говорит Сева. Сейчас главное – добраться до заветной ампулы. Надо как можно скорей снять боль.

Глава 6

Женя сидел в кресле. Руки у него свободны, он мог ими крутить, махать, но туловище примотано веревками к спинке кресла. Губа у него распухшая, на подбородке – кровь, под глазом – синяк, на щеке – содрано. Он сидел, а рядом стоял какой-то устрашающей внешности тип с «наганом» в руке.

Этот тип уставился на Настю, от его взгляда у нее отнялись ноги. Заметил ее и Женя. Увидел, встрепенулся:

– Настя, беги!

Но сзади кто-то толкнул ее в плечо. Толкнули несильно, но Настя от испуга сама сорвалась с места, заскочила в комнату, забила в свободный угол.

В комнату зашел Анатолий Александрович по кличке Сластик. В одной руке он держал кружку с дымящимся чаем, в другой – ложечку, помешивая сахар.

– Добро пожаловать, красотка! – с глумливой вежливостью сказал он.

– Сластик, ее не тронь! – Женя задержался в кресле, но подняться не смог.

– Это кто тут вякает? – спросил Сластик, с брезгливым возмущением глянув на него.

– Я отдам тебе все до копыя!

– У тебя нет столько денег.

– Я достану!

– Не надо доставать. Мне нужно здесь и сейчас.

Настя поняла, что ей нужно срочно уколоться. Если она этого не сделает, у нее разорвется сердце – от жалости к Жене. И от страха за себя. Все-таки проявил Сластик свое грязное нутро... Возможно, это от него прятался Женя. Если так, то эта мразь добралась до него. Осталось только убить. И Настю вместе с ним.

– Ну, хочешь, забери дом!

– Как я могу его забрать? На дом документы нужны, пока их переформишь... Телочку мне свою отдай!

Сластик снова повернулся к Насте и навалился на нее взглядом. И мысленно уложил ее на спину.

– Как это отдать?

– Ну, документы на нее не нужны...

Сластик подошел к Насте. Пальто на ней было уже растянуто, осталось только развести полы. Он сделал это и заглянул под пальто с таким видом, как будто под ним она была совершенно голый.

– Не надо! – жалко пробормотала Настя, запоздало шараясь от него.

– Сластик, будь человеком! – простонал Женя.

– Это ты мне говоришь?! – У Сластика от злости перекосилось лицо. – Жоголь, кончай падлу!

Громила кивнул, наставил на Женю пистолет, и тот зажмурил глаза в ожидании выстрела. Но молить о пощаде он не собирался.

– Не надо! – Настя подалась к Сластику, схватила его за руку.

– А что такое? – удивленно и с восторгом протянул он. – Козла пожалела?

– Женя не козел! – мотнула она головой.

– Ты даже не представляешь, сколько он бабок закозлил.

– Он отдаст! – Настя взывающе приложила руки к груди.

– Я уже все взял. Осталось только тридцать косарей. Или я пристрелю его, или трахну тебя! – скривился Сластик, озверело глядя на нее.

– Нет!

Сластик вызывал отвращение, Настя и представить себе не могла, как ляжет с ним в постель.

– Жоголь!

Громила взвел курок, но Настя снова схватила Сластика за руку:

– Я у отца возьму!

Она не знала, где у отца тайник. Может, и нет ничего. Но все же она должна была проверить, обыскать всю квартиру. Надо будет маму куда-нибудь отправить. Но куда? Сказать, что тетя Арина звонила... Эти мысли пронеслись в голове пляшущим хороводом, Настю даже затошнило от мельтешения перед глазами.

– Отец у нее судья, – сказал Женя.

– Да знаю... Этот падла Солохин... – Сластик начал, но, передумав, оборвал себя взмахом руки.

– Послезавтра я занесу тебе тридцатку.

– Или сейчас, или никогда... Жоголь!

И снова громила приготовился стрелять. И в этот раз Настя остановила его.

– Не надо, я согласна! – вырвалось у нее.

– Что ты согласна? – обрадовался Сластик, движением руки осаживая палача.

– Ну-у...

Настя чуть не свалилась в обморок, представив, как этот урод будет вдавливать в нее свою похоть. Но не свалилась. И ее даже не стошнило.

– Недельку со мной поживешь, – сказал Сластик. – Через недельку верну твой огород этому козлу.

– Через недельку?

Настя вспомнила о наркотиках. Да, под кайфом она смогла бы преодолеть брезгливость. Уколоться, забыться, а там уже ничего не страшно...

– Думай быстрее, – подтолкнул ее Сластик.

Женя молчал. Настя с надеждой посмотрела на него. Но Женя, глянув на Жоголя, обреченно вздохнул. Он не принуждал ее, даже не просил, но и не отговаривал. Да и какая ему разница, ляжет Настя со Сластиком или нет, когда жить осталось считанные секунды? Сейчас ему выстрелят в голову, и Настя исчезнет для него навсегда. И уже все равно, что будет с ней дальше.

– Ну, если у вас есть морфий, – жалко пробормотала она.

– Чего?! – оторопело протянул Сластик, приложив к уху ладонь. – Я не понял, ты что, с Марфушей задружила?

Он перевел взгляд на Женю:

– Ты чо, девчонку на марафет подсадил?

– Да она сама...

– Ну, ты в натуре...

Сластик резко повернулся к Насте и уперся в нее взглядом.

– Если ты едешь со мной, пусть эта гнида живет. Если нет... Считаю до трех... Жоголь!

Настя увидела, как громила приставляет ствол пистолета к голове Жени.

– Да!

– Смотри, если попробуешь соскочить, козла твоего грохнут, как последнюю падлу!

– Я согласна.

Настю заколотило от ужаса. Хорошо, если у Сластика найдется средство от омерзения, которое он вызывал. Она примет дозу, и ей станет легче... А если не будет ничего? Если ей придется отрабатывать Женин долг наживую? Она же с ума сойдет от отвращения... А если ее будут держать где-нибудь в холодном подвале. Посадят на цепь, как собаку...

– Тогда поехали.

Сластик взял Настю под руку, вывел ее из дома, на улице к ним подъехала черная «Волга». Он открыл дверь, показал ей на заднее сиденье, подсел к ней сам:

– Как там в песне, «девчонки любят марафет»...

Он вдруг стал расстегивать ширинку. От страха Настя закрыла глаза. Сейчас эта мразь схватит ее рукой за шею, наклонит к себе...

– Эй! – Сластик взял ее пальцами за щеки, повернул к себе лицом.

Настя успела заметить, что ширинка у него застегнута.

– А чего не побежала? – спросил он, глядя ей в глаза.

– Куда?

– Дверь открыта.

– А Женя?

– Правильно соображаешь... Касыга!

Водитель, лохматый мужик с выпирающей нижней челюстью кивнул, и машина тронулась с места.

– Значит, марафет любишь?

– Да нет, – мотнула головой Настя.

– И что, закидываться не станешь?

– Ну, если есть...

Она не могла признаться себе в том, что наркоманка. Да и не так уж тянуло ее на это дело. Очень хотелось – до мелкого дрожания в пальцах. Но ломки как таковой не было. И не похожа она была на того торчка, который этим летом попался им по дороге к морю.

– Есть-то оно есть... А отец узнает, меня сдашь, да?

– Нет, не сдам.

– Я ведь и тебя тогда грохну, и Женю твоего...

– Я понимаю.

– А как с отцом объясняться будешь? Я ведь на неделю тебя похищаю...

– Ну, не знаю...

– Ничего ты не знаешь... – скривился Сластик. – Скажешь отцу, что тебя реально похитили. А кто, не скажешь... Ты меня поняла?

Настя кивнула. Она все понимала. Но ей бы сначала через эту страшную неделю пройти, а там уж она что-нибудь придумает. Лишь бы домой вернули. Да и с марафетом надо бы вопрос решить.

– Смотри, я ведь и твоего папашку грохнуть могу, – сказал Сластик.

– Не надо.

– А тебя могу трахнуть.

Настя промолчала. Для этого ее куда-то и везли. И она уже фактически согласилась на унижение.

– Ты не бойся, тебе понравится.

Сластик просунул руку между ее коленками. Настя инстинктивно сжала ноги, но тут перед ее глазами качнулась ампула с заветным лекарством. Ноги разжались сами по себе. Но стоило Сластику протолкнуть руку вверх по бедрам, Настя снова сжала их. И мотнула головой. Нет уж, сначала укол, а потом уже все остальное...



Походка у Олеси – это нечто. Если приделать к ее заднице крылья и хорошенько разогнать – взлетит как миленькая. Впрочем, она и сама по себе неплохо разогналась, Сева едва поспевал за ней. Но поспел. И увидел мужчину, который ждал ее возле своей машины. И это был Женя.

Она поцеловала его с ходу – в щеку. Он ответил ей тем же, но так вяло, как будто делал одолжение. А Сева продолжал идти, не собираясь останавливаться.

Женя увидел его, напрягся, нахмурился. Олеся уловила перемену в его настроении, обернулась, навела на Севу взгляд, испуганно дернулась. И вид у нее был как у жены, которую муж застукал в объятиях любовника.

Только какая она ему жена? Ну пожалел он эту дрянь, забрался к ней в койку. И сдуру признался во всем Насте. Несколько ночей подряд они провели вместе, потом Олеся куда-то исчезла. А когда вернулась, как ни в чем не бывало запрыгнула к нему в постель. Потом остыла, стала его избегать, а сейчас вот он застукал ее вместе с Женей. И непонятно, чего она это так испугалась? Неужели Олеся всерьез считает себя его подружкой? Или даже невестой.

– А чего ты шуганулась? – язвительно спросил Сева. – Я тут чисто мимо проходил...

– Ну, давай, вали! – Женя повел головой в сторону веще-

вого рынка, с тыльной стороны которого они находились.

– А это мне решать, куда и как идти! – набычился Сева.

Женя показал себя неплохим бойцом, но раз уж дело идет к драке, он готов набить ему морду снова.

– Сева, я тоже мимо проходила, – зачастила Олеся.

Она подошла к нему, взяла его под руку.

– Не оправдывайся перед этим, – пренебрежительно глянул на нее Женя.

– А в глаз?

– Настя с тобой? – спросил вдруг Женя.

– Настя?! Со мной?! – Сева посмотрел на него, перевел взгляд на Олеся.

Что это за маневры такие? Перевод стрелок с одних путей на другие? И это ради того, чтобы вернуть Олеся? Или на уме у Жени что-то другое.

– Ее уже два дня нет.

– И на занятиях нет... – в раздумье проговорила Олеся. И резко, с подозрением глянула на Севу: – Она что, с тобой?

– Чего вы мне тут муть на баламутить наводите? – нахмурился Сева.

Он, конечно, заметил, что Насти уже второй день нет в университете. Но ведь она пропадала и раньше. Что-то с ней не то происходит, ощущение такое, будто она с катушек съехала. И куда только делась серьезность и степенность примерной студентки? Порою в поведении Насти явно проглядывалась прожженная профурсетка. И во всем этом Сева ви-

нил козла, который стоял перед ним.

– Ну нет и нет, – пожал плечами Женя.

И, как-то странно глянув на Олеся, повернулся к ним спиной. И не прощаясь, направился к своей машине. Олеся растерянно хлопала глазами ему вслед. А когда он уехал, она с досадой глянула на Севу. Она должна была сейчас быть с Женей, но почему-то осталась с ним. Действительно, почему?

– И почему ты не уехала?

– Так я просто мимо проходила.

Олеся, казалось, разрывалась на две части. Одной половиной она тянулась к Жене, а другой – тяготела к Севе. Но лучше бы она сейчас каталась с Женей. Именно так она думала, потому и во взгляде сквозила досада.

– Я тебя не держу. Догоняй! – Он кивком показал в сторону, в которой скрылась вишневая «девятка».

– Э-э... Да я не должна с ним...

– Где Настя? – Сева внимательно смотрел на Олеся.

Странная ситуация. Козе понятно, что Олеся шла на свидание с Женей. Но почему же она сама все переиграла? А сделала она это потому, что так нужно было Жене. Такое вот впечатление сложилось у Севы. Отсюда и подозрения...

– Я откуда знаю?

– Но ты же знаешь, что ее в универе нет.

– Я знаю? – задумалась Олеся.

– Знаешь.

– Ну да, знаю...

– Откуда?

– Ну, заметила...

– А может, Женя сказал?

– Ну, он со мной про эту сволочь... А как еще ее назвать?..

Чем она лучше меня? А все вы на нее – как мухи на говно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.